

Часть первая

Переезд из страны — вещь занятная. В самом начале все как будто хорошо, кажется, что тебя ничего не тревожит, но достаточно одной секунды, и вспыхнет пожар.

Я дурачил себя, уговаривая, что именно этого и хотел — что мне нужна свобода, мне требуется время привести мысли в порядок; что мне следует найти собственное я. Именно так все говорят, верно? И я убежал настолько далеко, насколько мог, и лишь после этого начал задаваться вопросом, от чего мне вообще было бежать.

Бежать от себя? Бежать от собственных ошибок?

Такие вещи трудно признавать.

Только вечно бежать не получится, вот в чем вся штука. Тоска по дому все пересилит, ее не перебеешь, рано или поздно поводок затянется, и ты начнешь думать о том, как вернуться.

Вот тут-то и возникают настоящие проблемы.

Когда понимаешь, что люди, которых ты оставил, изменились.

Когда понимаешь, что лучше было бы держаться от всего этого подальше.

Сара

Сара Карпентер в который раз стоит на вершине холма и думает, как хорошо подходит это место для того, чтобы умереть. Оно кажется краем света, таким высоким, что даже деревьям лень забираться сюда. Здесь растут лишь продуваемые ветром клочки травы, над головой носятся тучи и, когда совсем не ожидаешь, срываются ледяные капли дождя.

Тут можно было бы умереть, и никто бы не заметил. Можно было бы лечь на землю, и никто бы тебя не нашел. Ветер так и продолжал бы свистеть, и время от времени выглядывало бы солнце, и шел бы дождь и снег, пробиваясь сквозь одежду и дальше — сквозь кожу, и так, пока не останется ничего, кроме костей. Правда, даже в январе, с его непредсказуемой, а иногда и вовсе опасной погодой, сюда приходит не только Сара. Здесь блуждают смотрители из заповедника, горные туристы. В конце концов, тебя бы кто-нибудь нашел.

Но сегодня тут, на вершине, ни души. Только Сара со своими двумя собаками, которые на время исчезли из виду.

Она совершенно одна.

Обрывистый опасный склон у нее под ногами спускается к стене сухой каменной кладки,

отмечающей границы ее собственности. Там есть поле, если можно так назвать клочковатые, изрытые ямами участки земли с жесткой травой, желтеющей вокруг возвышенностей, а трещины в почве создают своеобразные неровные террасы. В поле, согнувшись, точно какой-нибудь тролль, стоит заброшенная хижина, где когда-то, до того как построили ферму, жили пастухи. Еще ниже склон постепенно выравнивается, и вон там начинается ее сад с чахлыми деревцами и клочком огорода, на котором сейчас ничего не растет. «Ферма четырех ветров» жметя к склону холма так, будто ветер в любой момент может вырвать ее с корнями и унести вниз в долину.

— Бэйзил! Тесс! — зовет Сара, и ее слова уносит воришка-ветер. Сейчас она уже почти не чувствует собственного лица. Пора возвращаться.

Слышали они или нет, но колли по кличке Тесс появляется у нее из-за спины, а за ней, виляя хвостом, бежит и Бэйзил, похоже, сверх меры довольный тем обстоятельством, что умудрился найти какую-то дрянь, а затем извалиться в ней. По его светлой шкуре от плеч до боков тянется длинный развод чего-то черного.

— Ох, Бэйзил, ну ты и маленький поганец. — У Сары нет времени мыть его, сегодня уж точно. Карабкаясь по кочкам, она раздумывает, может, просто полить на пса из шланга и пусть сидит во

дворе, пока не высохнет. Но на улице жуткий холод и, судя по тучам над головой, не исключен даже снег.

Сара смотрит на часы: почти половина восьмого. Вероятно, если поторопиться...

Она оставляет Бэйзила скулить снаружи у черного хода, тем временем вытирая Тесс полотенцем в коридоре. После ветра щеки покалывает от холода, а в ушах шумит от внезапной тишины дома. Тесс смотрит на нее своими огромными карими глазами и слегка приподнимает собачью бровь, как будто демонстрируя, что от лабрадора большего ожидать и не следует.

— Сама знаю, — вслух произносит Сара, словно Тесс действительно что-то сказала. — Он идиот. Ну что тут поделаешь?

Она дает Тесс печенье, и собака семенит в кухню к своей подстилке. Предварительно закрыв межкомнатные двери, чтобы свести ущерб к минимуму, Сара запускает внутрь Бэйзила. Тот не знает, радоваться ему такой удаче или бояться того, что будет дальше, и это дает ей преимущество. Она берет Бэйзила за ошейник и отводит пса в маленькую душевую на первом этаже.

Он, опустив голову, начинает тихо скулить.

— Ты сам виноват, — говорит Сара. — Ну почему именно сегодня, Бэйзил, как ты мог?

«По крайней мере, — думает она, натирая его

лавандовым успокаивающим шампунем для собак, — по крайней мере, будет пахнуть свежестью к приходу нашего “посетителя”».

Он приехал раньше. Это хорошо.

— Бэйзил, цыц! Хватит!

Пес словно никогда в жизни не слышал, как подъезжает машина, начинает лаять и носиться по кухне. Тесс лишь поднимает голову от подстилки, не проявляя подобной заинтересованности. Из кухонного окна Сара наблюдает за тем, как темно-синий «Форд-Фокус» разворачивается на подъездной дорожке перед домом и припарковывается передом к гаражу. Ее сердце глухо бьется в груди. «Ну, конечно, чего удивляться. Дыши глубже, девочка, давай. Веди себя разумно».

Она открывает дверь и стоит, придерживая Бэйзила за ошейник, пока мужчина выходит из машины и наконец предоставляет ей возможность хорошенько себя рассмотреть. Тесс выказывает ровно столько любопытства, чтобы подняться со своей подстилки и встать рядом с Сарой, вытягивая шею и пытаясь понять, кто там прибыл.

Эйден Бек. Прошло больше двадцати лет.

— Привет! — дружелюбно выкрикивает она и слегка взмахивает ему рукой.

Светит солнце, и, как ни странно, ветер стихает. Нечасто появляется возможность крикнуть

кому-то через двор, рассчитывая на то, что этот кто-то тебя услышит. Подобную деталь она, конечно же, ему не сообщает.

Бэйзил виляет хвостом, и теперь, когда машина припаркована, пса можно отпустить.

— Все в порядке, он добрый.

— Привет, Сара, — говорит мужчина. У него до сих пор прекрасная улыбка. Он гладит Бэйзила по голове, похлопывает по бокам. Пес вне себя от радости. Тесс уже развернулась и ушла в дом; на нее не так просто произвести впечатление.

Подойдя к Саре, Эйден целует ее в обе щеки, положив одну руку ей на плечо. Он, кажется, ни на день не постарел, и она уже собирается сказать ему об этом, но вовремя осекается. «Ничего личного, — говорит она себе. — Ты уже все продумала».

— Прекрасно выглядишь, — произносит он.

— Спасибо, — отвечает Сара, ей хочется уйти от комплимента, отпустив какой-нибудь уничижительный комментарий по поводу своего свитера, но она обещала себе, что будет думать, прежде чем говорить, и, кажется, тактика срабатывает. — Дорога была хорошей?

Конечно, он откуда-то приехал, но она без понятия, откуда именно. Они ничего по-настоящему не планировали, не имея времени обсуждать его перемещения во всех подробностях. Кажется, он прилетел вчера. Можно предположить,

что остановился где-нибудь в отеле; а может, гостит у друзей. Это ее не касается.

— Да, все было хорошо. Приятно снова видеть тебя; прошло столько времени...

— Ну, заходи, заходи, — перебивает она, не давая ему закончить фразу. Она пытается не смотреть на него в упор, не показывать так очевидно, что упивается его присутствием, каждой мельчайшей черточкой: морщинками вокруг глаз, щетиной, покрывающей щеки и подбородок.

Она отводит его в кухню, сверкающую чистотой. Уборку в доме Сара начала еще в пятницу, после того как возникла вся эта безумная идея.

— Я, хм... подумала, что ты мог бы пройтись к коттеджу и осмотреться, пока я сделаю чай, — говорит она. Ключ лежит на кухонном столе возле вазы с лимонами и лаймами. Она вручает ему его. Мужчина, похоже, удивлен. Такая задумка казалась ей удачной: получить немного времени, чтобы прийти в себя. Она знала, время ей понадобится, и вот уже наступил первый неловкий момент. У нее горит лицо.

— Э-э, ну хорошо. Ты уверена?

— Да, конечно. Мне надо кое-куда позвонить. Не торопись; дай себе возможность хорошенько осмотреться. Я поставлю чайник.

Он выходит той же дорогой, по которой они

пришли. Чайник наполнен до краев и только закипел, потому что она включила его сразу, увидев машину, въезжающую в узкие ворота. Стоя перед раковиной, Сара наблюдает за тем, как Эйден проходит через двор и спускается к коттеджу, который прежде был хозяйственной пристройкой, а до этого свинарником. Здание переоборудовали специально для свекра Сары, но в итоге вышло так, что Джеймс-старший умер через два дня после того, как попал в больницу с воспалением легких, и никогда даже не увидел этого коттеджа. Она подумывала о том, чтобы найти жильца или, возможно, сдавать домик в аренду туристам, но в глубине души была не готова к этому. Ей не хотелось, чтобы кто-нибудь чужой жил прямо за дверью, да и мысль о случайных компаниях отпускников не сильно ее вдохновляла. Так и получилось, что коттедж долгое время продолжал пустовать, сохраняясь в идеальном состоянии. Конечно, к Саре приезжали гости, друзья, родственники — но они всегда останавливались в доме.

Все изменилось в пятницу. Он застал ее врасплох, этот столь нехарактерный для него пост в «Фейсбуке», рассчитанный «только на друзей».

Возвращаюсь домой на следующей неделе, долго же меня не было!!! Дайте знать, если вам известно о какой-нибудь милой квартирке на

одну-две комнаты в аренду, желательно в Йоркшире или на севере.

Он получил несколько ответов, в основном с предложением выпить пива и фразами вроде «Буду иметь в виду. Ты уже смотрел объявления в газете?» и все в таком духе. А потом она добавила комментарий:

Всегда можешь остановиться у меня в коттедже. Я как раз подыскиваю жильца. Сообщи, если будет интересно.

Чтобы написать этот комментарий, она потратила целый час. Не желая показаться слишком настырной, хотела добиться нужного уровня небрежности. Прошло пять минут, и Сара услышала сигнал сообщения.

Привет, Сара, приятно снова поговорить. Как твои дела? Спасибо за любезное предложение, может быть, мне и правда придется им воспользоваться. Я мог бы приехать взглянуть на коттедж во вторник, если тебе будет удобно. Э. х¹

Она быстро ответила:

Да, вполне подойдет, вот мой номер телефона, во вторник буду дома.

Вчера с незнакомого номера пришло

¹ Знаки в сообщениях х, хх, ххх в Англии означают «целую», «обнимаю». (Здесь и далее примеч. ред.)

сообщение:

Привет, Сара, это мой мобильный телефон. Приеду завтра около 11 утра, если тебе подходит. Еще раз спасибо. Э. х

Она не сомневалась — что-то должно пойти не так. Он обязательно ей перезвонит, скажет «Спасибо, но мне нужно что-нибудь поближе», либо решит в конце концов вернуться в Японию или откуда он там приехал, либо скажет, что останется у друзей, пока не найдет постоянное жилье. Ей не стоило питать особых надежд. Вся эта генеральная уборка, конечно, не мешает, но, скорее всего, ничего не произойдет и она просто потратит время впустую...

Однако он все-таки приехал. Сара продолжает тарашиться во двор, хотя Эйден уже давно зашел в коттедж и прикрыл за собой дверь. Она достает с полки заварник, подогревает его, приносит чашки и жестянку с печеньем и раскладывает все на подносе. Может быть, выложить печенье на тарелку? Или расхрабриться и достать торт, который она специально испекла? Утром ей показалось, что это будет уже слишком, чересчур очевидно, что она готовилась к его приезду. Сверх меры попахивает отчаянием. Она оставляет печенье в жестянке.

Пока заваривается чай, Сара звонит Софи. Та немедленно отвечает, словно все это время держала

телефон в руках и только этого и ждала.

— Ну? Он уже приехал?

— Да, — говорит Сара. — Пошел осматривать коттедж.

— И ты оставила его одного?

— Там не так много места. Думаю, он сможет и сам разобраться, что к чему.

— Могла бы лучше с ним позаигрывать!

— Тогда бы он уже пятками сверкал.

— Я сомневаюсь. Коттедж просто очаровательный, совсем как и ты. Я бы не удивилась, если бы он решил въехать прямо сегодня. У него все вещи с собой?

Сара переводит взгляд на припаркованную перед гаражом машину.

— Не знаю, может быть. Он ничего еще не говорил.

— Ну так что? Он все еще такой же шикарный, каким ты его помнишь?

— Да ну, прекрати. Как будто я за все эти годы ни разу не видела его фотографий...

— И что?

— Остановимся на том, что он действительно не очень изменился.

«И мое сердце в самом деле не перестало колотиться, — хочется добавить ей. — И этих двадцати четырех лет будто бы и не бывало. Я все еще это так чувствую? Нет, еще хуже. Намного

хуже».

Софи хихикает как девчонка, словно ей до сих пор двадцать три, а не сорок три.

— Кажется, все идет неплохо. Рада слышать, я жду не дождусь встречи с ним, мечтаю увидеть того самого мужчину, по которому ты сохнешь всю свою жизнь.

— Эй, руки прочь.

— Не волнуйся, дорогуша, мои руки целиком и полностью принадлежат Джорджу, и ты это знаешь.

Бэйзил, который все это время ждал под дверью, снова начинает лаять. Сара поднимает глаза и видит, как Эйден проходит к дому через двор. Он разговаривает по телефону, и на его лице играет улыбка.

— Соф, я тебе позже перезвоню, он возвращается. Бэйзил, заткнись, умоляю! Иди к себе!

Бэйзил скулит и как будто бы выполняет приказ, но, как только открывается дверь и в кухню входит Эйден, подскакивает снова. Сара кладет мобильный на кухонный стол.

— Ну как тебе?

— Прекрасно, — говорит Эйден. — Не могу поверить, что внутри он оказался таким просторным.

— Думаю, все дело в правильном

использовании белой краски, — говорит она и переносит поднос с заварником на стол. — Присаживайся.

Она наливает чай, а Эйден тем временем рассматривает ее. В воздухе уже витает какое-то напряжение. Или ей всего лишь кажется и это просто у нее в голове? Он набирается храбрости сообщить, что приехал только взглянуть, а на самом деле предпочел бы жить ближе к Лондону, к своим друзьям. Конечно, у него есть друзья. Даже после стольких лет отсутствия.

— Я хотел извиниться за то, что не смог приехать на похороны.

Она замирает, наполнив чашки до половины. Удивленно смотрит на него.

— Я имел в виду похороны Джима, конечно. Само собой, я пришел бы и на похороны его отца, если бы мог.

— Ох. Ну, ничего страшного. Я и не думала, что ты будешь специально для этого ехать из-за границы.

— Но я все-таки должен был приехать. Джим — мой близкий друг. Это как гром среди ясного неба, шок, ведь он был еще таким молодым.

Сара начинает думать, уж не ожидает ли Эйден, что она огорчится или вообще расплачется. С тех пор как умер Джим, прошло уже три года, и, честно говоря, когда это случилось — через

полгода после автокатастрофы, в результате которой он превратился в овощ, — она почувствовала чуть ли не облегчение. Сара медленно и болезненно скорбела у больничной койки.

— Да, шок. Он был... чудесным отцом.

Ничего большего выдать из себя Сара не в состоянии. И даже когда Джим был жив и здоров, несмотря на все счастье, устроенность и то, что приносят двадцать лет брака, именно Эйден вспоминался ей перед сном, именно о нем она мечтала, когда накатывало определенное настроение.

Он никогда не должен узнать об этом. Никогда.

Она передает ему чашку через стол, тщательно избегая прикосновения.

— Спасибо, — говорит Эйден.

Бэйзил устроился под столом, примостив свой мощный зад на ноге Сары, значит, его голова должна покоиться на ноге Эйдена. Тесс наблюдает за сценой с собственной подстилки в углу, ее взгляд выражает усталость.

— Итак, — начинает Сара, но тут же умолкает, не имея ни малейшего понятия, что сказать дальше. Почему она чувствует себя так неловко?

— Итак, — отвечает он и смеется. —

Расскажи мне побольше о коттедже. Что там с арендной платой, счетами и всем прочим?

— Ой, о деньгах я совсем не думала. Счетчик там отдельный, так что, полагаю, ты мог бы оплачивать счет за электричество. И оставайся столько, сколько захочешь.

Он смотрит на нее с другого конца стола, и она чувствует на себе его взгляд, взгляд этих зеленых глаз. Каким-то образом ей удалось забыть эту важную деталь, хотя она столько раз мысленно представляла его себе.

— Очень щедрое предложение, но я не готов его принять, — говорит он.

Эта фраза отдает каким-то странным формализмом, и его глаза становятся почти холодными.

— Вот как, — произносит она.

— Ты могла бы зарабатывать на ней пять сотен в неделю, если бы сдавала отпускникам. А в долгосрочной аренде, вероятно, сотен восемь.

— Может быть, — говорит она. — Но я бы не хотела, чтобы тут жил какой-нибудь незнакомый человек, и мысль о долговременных обязательствах меня тоже не прельщает. Вот если бы в коттедже поселился ты, было бы идеально. — Чтобы дать себе время подумать, она меняет тему разговора — Так какие же у тебя планы? Работу уже нашел? Я даже не знаю, почему ты вообще решил вернуться.

Эйден ерзает на стуле и слегка отодвигается. Бэйзил, вскочив, на всякий случай устремляется к своей миске с едой — вдруг с тех пор, как он был там в последний раз, туда упало что-нибудь еще.

— Я подумал, сейчас самое время. На первых порах хочу заняться фрилансом, пока не подыщу что-нибудь постоянное.

— Я сую нос не в свои дела, извини.

— Да нет, что ты. Это разумный вопрос. А каково оно, жить здесь? У вас хороший интернет?

— У меня скоростной канал. Вайфай работает даже в коттедже, но сигнал там послабее. Тебе может понадобится собственный роутер.

— Я мог бы работать из дома, — произносит он.

Сердце Сары снова начинает биться быстрее. Он сказал «из дома». Он думает об этом месте как о доме.

— Конечно, без проблем.

— А как живется в деревне?

— Просто замечательно, здесь прекрасные люди, очень дружелюбные. Есть несколько магазинов, кофеен и чайных, почта, китайский ресторан, забегаловка с фастфудом, однако я стараюсь держаться от нее подальше. Есть неплохие пабы. В одном из них довольно хорошая кухня, но столик нужно заказывать заранее. Недавно построили новый сельский клуб, много

чего происходит... мероприятия... ну, ты знаешь.

Он слушает, попивая чай. Наконец отставляет чашку в сторону.

— Коль тебе не нравится идея о долгосрочной аренде, мы можем обойтись без договора. Но я буду платить тебе восемьсот помесечно, с залогом на один месяц. Если захочешь, чтобы я уехал, можешь предупредить, скажем, за неделю. Что ты об этом думаешь?

— Ну, мы все-таки друзья, — начинает возражать она.

— Это не значит, что мы не можем подойти к отдельно взятому вопросу с профессиональной точки зрения. И, боюсь, я буду вынужден настоять на своем.

Он произносит это с такой серьезностью, что она чувствует, как нехотя расплывается в улыбке:

— Неужели настоишь?

— Да.

И тогда она сдаётся:

— Ну что ж, хорошо.

Он протягивает ей руку для пожатия, сделка завершена. Ее сердце бьется так громко, думает она, что он, наверное, тоже это слышит. Восемь сотен в месяц.

Он с улыбкой допивает чай. Затем поднимает на нее взгляд из-под бровей.

— Ты уверена, что это удачная идея?

— А почему бы и нет?

Он молчит в ответ. В ней зарождается ужасное чувство: это потому, что он прекрасно понимает, как она сходит по нему с ума.

— Обещаю, я не буду громить коттедж или устраивать шумные вечеринки без твоего участия, — говорит он.

— А я обещаю, что не буду заставлять тебя чистить выгребную яму, — отвечает она. У него теплая рука и твердое рукопожатие.

Вот так все и начинается.

Эйден

Когда с чаем покончено, она предлагает показать тебе остальные комнаты в доме. Ты соглашаешься. Тебе нужно все увидеть, чтобы наглядно понять, где она живет, спит, работает. Как она проводит свои дни. Что еще важнее, тебе надо как-то поддержать разговор. Ты не ожидал, что будет так неловко.

Сара показывает дорогу из просторной кухни в гостиную, раза в два меньше по площади, здесь стоит большой угловой диван, и сквозь белое покрывало заметно, что он довольно потертый. Когда один из псов запрыгивает в угол с вмятиной, точно соответствующей его параметрам, ты понимаешь — покрывало расстелили в твою честь.

Она кричит на пса, чтобы тот слез, и он подчиняется с выражением недоумения на морде. В углу у нее стоит маленький телевизор, и одну из стен полностью занимает шкаф с книгами. Тебе нравится такое соотношение, как и все, о чем оно свидетельствует.

Кроме гостиной, есть оранжерея и зимний сад. Еще внизу находится туалет с душем и подсобное помещение с отдельной дверью на улицу.

— В коттедже стоит стиральная машина, — замечает Сара. — Но если тебе понадобится высушить какие-нибудь вещи, всегда можешь принести их сюда.

— Спасибо, — отвечаешь ты, пытаясь представить, как станешь приносить сюда корзину с бельем, когда ее не будет. Или когда она будет здесь.

— Дверь обычно не запирается, — говорит она.

Ты смотришь на нее вопросительным взглядом.

— Я никогда не беспокоилась на это счет. Не думаю, что здесь вообще кто-нибудь закрывает двери на замок.

Она показывает дорогу вверх по узкой лестнице на второй этаж. Ты отвлекаешься от ее задницы в узких джинсах на первом плане и переводишь взгляд на развешанные по стенам

рисунки. Это ее иллюстрации к «Поросенку из сахарной ваты», ее первой и самой успешной книги. Она получала премии и за последующую серию. Иллюстрации кажутся намного ярче самих книг, и ты говоришь ей об этом.

— Ты так считаешь? — отзывается она с лестничной площадки. — Мне кажется, я давно перестала обращать на них внимание.

Ты присоединяешься к ней на втором этаже. Дом построили на склоне, и он явно старый с покатыми полами и низкими потолками. Она показывает тебе две из пяти спален, одна из которых, по всей вероятности, принадлежит ее уехавшей дочери Китти, которая сейчас должна учиться в университете. А что там с сыном, Луисом? Кажется, теперь здесь нет его комнаты. Он уехал на учебу, но затем, припоминаешь ты, будто бы забросил занятия после первого курса. В том же году, когда умер Джим. Ты задаешься вопросом, что с ним случилось потом.

— Как поживают дети? — спрашиваешь ты.

— У них все в порядке, — говорит она. — Китти хорошо учится. Она должна скоро приехать; ты познакомишься с ней.

— И где она учится?

— В Манчестере. Она занимается жилищным строительством.

— А что с Луисом?

— Вот ванная, — говорит Сара, отступая в сторону. По ее широкой улыбке становится понятно: она особенно гордится этой комнатой, что очень мило. Ванна с закругленными углами стоит на ножках перед окном двумя ступеньками ниже. Ты обращаешь внимание также на душ и дубовые балки. И на то, что на окне нет никаких занавесок.

— Довольно откровенно, ты не считаешь? — произносишь ты, не успевая заранее обмозговать свои слова.

Она смеется.

— Да здесь на мили никого нет, — говорит она. — А если бы и были, не думаю, что я кому-то нужна.

Ты хочешь поспорить, но замечаешь, как на ее щеках разливается румянец, и понимаешь, что она и сама смутилась, поэтому ограничиваешься вежливой улыбкой в ответ. К тому же она сворачивает экскурсию.

— Есть еще три спальни, — обыденным тоном говорит она. Одна из них, хозяйская, теперь принадлежит только ей, думаешь ты, но хвастаться этой комнатой она не собирается.

— А где ты работаешь? — спрашиваешь ты.

— У меня есть студия за гаражом. У Джима там раньше была мастерская, однако теперь я установила два окна в потолке и обосновалась в ней сама. Я тебе в другой раз покажу.

Она спускается обратно на первый этаж. Замешкавшись на мгновение, за которое ты успеваешь заметить полуприкрытую дверь в другом конце коридора, ты тоже спускаешься.

— Когда ты думаешь переезжать? — интересуется она.

— Да сразу, — говоришь ты. — Если тебя это не смутит.

— Ну что ты, конечно нет, — говорит она. — Считай, что место уже твое.

Ты возвращаешься к машине. Помощи она не предлагает, и ты рад и счастлив снова оказаться наедине с самим собой. Отгоняешь «форд» к коттеджу, где перед входной дверью оборудовано отдельное место для парковки. Багажник под завязку набит вещами: два чемодана, портплед² и переноска для костюмов. Ты опять открываешь дверь коттеджа и заходишь, теперь уже как хозяин. Выгружаешь вещи из машины, оставляешь их в прихожей, закрываешь за собой дверь и какое-то время стоишь, прислушиваясь к тишине.

Ну наконец-то можно вздохнуть свободно.

Никто не знает, где ты. Никто, кроме Сары. Здесь ты в безопасности, все благодаря ей.

² Специальный чехол с ремнями для перевозки постельных принадлежностей.

Ее щедрость потрясает. Может, даже подозрительно потрясает. С другой стороны, у нее есть отдельный коттедж, и ты можешь понять, почему ей не хочется, чтобы в нем жили чужие люди. Тебя удивляет только то, с какой легкостью она отдает его тебе, в конце концов, ты и сам считай что чужой человек. И место для жилья прекрасное, именно то, что нужно: большая гостиная открытой планировки с зоной кухни в конце; широкая дверь веранды открывает обзор на долину и поля — одни поля с овцами да каменными кладками на две-три мили вперед. Мебель современная и практичная, как было, вероятно, специально задумано. Все белое и чистое, светлое дерево и натуральные ткани. Спальня с двуспальной кроватью на железной раме оказывается просторнее, чем можно было ожидать. Сара даже постелила свежий комплект белья со светло-серым пододеяльником и наволочками. На краю кровати по-дизайнерски под углом лежит небольшая стопка полотенец. Они кажутся совершенно новыми. Ванная комната маленькая, и места для ванны нет, только душ. Но тебе без разницы. На окне стоит горшок с цветком, и ширина подоконника дает представление о толщине наружных стен. Цветок такого ярко-зеленого оттенка, что вполне может быть пластмассовым, но при ближайшем рассмотрении оказывается живым;

земля слегка влажная. Придется запомнить, что нужно будет поливать; тебе бы не хотелось его прикончить.

Твои часы показывают половину первого, хотя ты еще совсем не голоден. Вчера ночью почти не спал и слишком вымотался, чтобы есть. Сейчас было бы самое время поспать, думаешь ты, глядя на железную раму кровати, которая так и манит комфортом, но если ты поддашься, то сегодня ночью не заснешь. Нужно продержаться на ногах до вечера. А перед этим переделать уйму дел.

Около часа уходит на то, чтобы разобрать чемоданы. Костюмы, рубашки развешаны по плечикам и отправлены в шкаф. Туалетные принадлежности — в ванную. Тебя снова манит кровать.

Именно поэтому ты выходишь на улицу, оставляя дверь незапертой. Лучше сразу привыкать к порядкам, говоришь ты про себя. Когда проходишь через двор к хозяйскому дому, одна из собак начинает лаять. Прекрасная сигнализация, само собой. Стучишь во входную дверь.

— Стучать совсем не обязательно, — говорит она, открывая. — Можешь заходить прямо так.

— Нет, серьезно, — говоришь ты. — Просто так заходить я не могу.

Она весело улыбается:

— Ну, остальные только так и делают.

— Я хочу съездить набрать продуктов, — сообщаем ей ты. — Подскажешь, где здесь ближайший супермаркет?

— В городе есть «Ко-оп». Прямо на площади — ты его сразу увидишь. Ну а если собираешься делать какие-то серьезные закупки, придется ехать в Тирск.

— «Ко-оп» вполне подойдет. Тебе что-нибудь нужно?

— Нет, — отвечает она. — Если тебе что-то понадобится для коттеджа или захочешь что-нибудь оттуда убрать — только скажи. Я обычно держу кровать застеленной, но ежели предпочитаешь постелить собственные простыни... ну, не знаю.

— Нет, это именно то, что надо, — говоришь ты.

Повисает пауза, потому что ты засматриваешься на нее и забываешь, о чем думал. В свою защиту можно отметить, что на мозг невыносимо давит усталость от долгой езды и всего, что случилось перед этим. Какое-то время ты продолжаешь тарашиться, вспоминая что-то из далекой прошлой жизни.

— Завтра вечером моя подруга Софи устраивает нечто вроде посиделок, — говорит Сара. — Будем рады, если ты присоединишься. Это совсем рядом, в «Ройял Оук», в городе.

— О, — говоришь ты, загнанный в тупик. — Звучит неплохо. Спасибо.

— Ну, это только если у тебя не найдется других дел. Смотри по ощущениям.

— Спасибо, — повторяешь ты. — Очень мило с твоей стороны.

Она улыбается, и ты вновь отправляешься к машине. «Значит, нечто вроде посиделок», — думаешь про себя. Ее приглашение прозвучало очень ненавязчиво, и любой другой мог бы подумать, что она сделала это из обычной любезности, раз ты уже здесь. Но ты не «любой другой». Ты хорошо умеешь «читать» людей. Ты знаешь, что, как бы небрежно Сара ни говорила, ей действительно очень хочется, чтобы ты пошел туда. В машине тепло, и ты открываешь окна, когда включаешь поворотник, вырубивая на дорогу. Ты начинаешь думать о том, что надеть и что нужно принести с собой. Кто такая Софи и что из себя представляют друзья Сары, как они будут на тебя реагировать. И во что может все это вылиться.

В заднем кармане начинает вибрировать мобильник. Ты смотришь на номер и улыбаешься еще до того, как ответить. Три звонка, так быстро? Кажется, работы тут у тебя будет достаточно.

Сара

Эйден предлагает вести машину, чтобы Сара могла выпить.

Вполне невинное предложение, но к тому времени, как они проходят через двор к его автомобилю, садятся и пристегивают ремни безопасности, щеки Сары покрывает румянец и эмоции в ней взвинчиваются с такой силой, что она боится, как бы не расплакаться. Он ничего такого не имел в виду, твердит она себе, злясь на собственную реакцию. Она даже не уверена, что он знает все подробности случившегося с Джимом; он был за границей, когда все произошло. Прислал цветы, по-настоящему трогательное письмо с воспоминаниями о Джиме — но все, что ему известно, все, что он действительно знает, так это то, что произошла авария и Джим умер через шесть месяцев, не приходя в сознание. Он не в курсе о причине случившегося.

— Ты что-то притихла, — говорит он. — Все в порядке?

Она не может себя заставить перевести взгляд на него. Машина на середине спуска с холма, и передние фары освещают кусты по обе стороны дороги.

— Да нет, ерунда, — говорит она, а потом уже веселее добавляет — Софи тебе понравится, ее все любят. Джорд тоже вполне ничего; поначалу он может показаться самовлюбленным козлом, но он

нормальный, если получше узнать его. Член парламента. Правда, не местного. Когда спустишься, нужно будет свернуть налево.

Конечно, он и сам знает, где площадь. Она уже начинает жалеть, что все это затеяла. Она любит Софи, та ведь ее лучшая подруга — а если честно, единственная подруга, — но все эти социальные контакты, все это так неловко. Она никогда не чувствовала себя в данных ситуациях по-настоящему комфортно. Стоит только выйти из дому, как бы она ни ждала предстоящего мероприятия, тут же подмывает сразу же вернуться назад.

— Как вообще продвигаются дела? — спрашивает она, чтобы сменить тему. — Я имею в виду с коттеджем. Все, что нужно, на месте?

— Да, абсолютно, — говорит он. — Коттедж чудесный. Очень... тихий.

Она смеется в ответ.

— А как насчет работы?

— Следует наладить контакты с местными, но вообще, да — перспективы неплохие.

— А чем ты занимаешься, я забыла?

Повисает пауза, пока он въезжает на парковку, и она думает, может, он не услышал, но через время он отвечает:

— У меня нечто вроде терапевтического

бизнеса. Организую франшизы³, все в таком роде. Оказываю помощь.

Машина останавливается, и Эйден глушит мотор. Потом поворачивается, чтобы посмотреть на нее.

— Я все тебе расскажу. В другой раз, — говорит он. — Ты выглядишь потрясающе.

Внезапный комплимент застаёт ее врасплох, и в горле у нее что-то перехватывает. Никто уже давно не говорил ей ничего подобного. Разве что Софи, только у Софи все потрясающие, «дорогуши», и это не то же самое. Совсем не то же самое.

Когда они проходят от парковки к пабу, Сара снова перебарывает желание вернуться. «Это все гормоны, — уговаривает она саму себя. — Соберись!» Эйден придерживает дверь, и она заходит внутрь, в теплое помещение с низкими потолками и неровным полом, покрытым ковром. А вот и Софи в черном платье, подчеркивающем ее длинные ноги, она улыбается и выглядит элегантно.

— Сара, дорогуша! Ну а вы, должно быть... Эйден Бек. Приятно познакомиться.

Она целует его в обе щеки и, делая это,

³ Здесь слово употреблено в переносном значении — «комплекс благ».

умудряется подмигнуть Саре. Софи представляет ему Джорджа, который, судя по раскрасневшемуся лицу и энергичному рукопожатию, уже неплохо подкрепился. Тут же подходят Бекка с Дэниэлом, Лора и Марли, Пол и Эми, Йен и Диана. Сара здоровается со всеми, кто попадает в ее поле зрения.

Эйден отправляется к барной стойке.

— А он ничего себе, шикарный, правда? — громко шепчет Софи. — Как вы, неплохо общаетесь?

— Да я его почти не видела, — говорит Сара. — Он только вчера переехал. Был занят, разбирал вещи.

А еще Сара старалась не попадаться ему на глаза — не намеренно; просто ей особо нечего ему сказать. Не хочется набрасываться на несчастного. Не хочется создавать впечатление, будто она одинока. Ведь это совсем не так; у нее есть собаки, и Софи, и работа. А Эйден — просто старый знакомый, и больше ничего.

Тонкий голосок внутри напоминает ей: он только что назвал ее красивой, ровно пять минут назад. От него это прозвучало как нечто очень личное, все-таки столько лет прошло. Она задумывается, говорил ли он от чистого сердца или отвечает подобные комплименты всем знакомым женщинам.

Эйден

Ты обожаешь такие мероприятия: на них представляется возможность познакомиться с кучей новых людей в совершенно расслабленной обстановке, когда все чувствуют себя в безопасности. Они понятия не имеют, как много дают о себе узнать и как быстро.

Исключением из правила, пожалуй, можно назвать Сару, которая чувствует себя абсолютно не в своей тарелке. Ты думаешь, что Саре свойственен определенный страх социума. Как мило. Если принять во внимание ее работу, что в свое время принесла ей известность, и то, какой она была в университете — уверенной, сосредоточенной и спокойной, теперь все сильно изменилось. Как будто жизнь, выжав из нее все, изгнала и это. Ты думаешь: «Так вот что делает с человеком замужество и двое детей!» Женщина становится женой и матерью, а тот стержень, который в ней был... как бы это сказать... рассасывается.

Ты сталкивался с этим множество раз у клиентов, которые к тебе приходили, которые пытались найти себя заново. Делали попытки воскресить высохшую почву, пробовали найти возможность для роста.

Оросительные работы — это по твоей

специальности. Сама мысль заставляет тебя улыбнуться.

С другой стороны, ее подруга Софи — тоже интригующий персонаж. Она очаровательна и умеет пофлиртовать, заглядывая тебе в глаза и легко касаясь руки, когда к тебе обращается, только проделывает она это со всеми, кроме собственного мужа. Он, конечно, зануда, таскается в ее свите с остальными присоединившимися друзьями, ржет как бешеный над собственными анекдотами и всем подливает выпивку в бокалы.

Ты пытаешься припомнить, что такого сказал перед тем, как садиться в машину. Что-то случилось, какое-то воспоминание или твои слова заставили ее грустить. Горе накатывает на нее волнами; его можно нюхом почуять.

Только если спросить, она ни в чем не признается. Тебе она не расскажет. Но это неважно; ты прекрасно знаешь, что не стоит давить, когда человек находится в таком ранимом состоянии. Ты можешь и подождать. Скоро все и так прояснится.

К тому же тебя волнует еще один вопрос. Ее сын, Луис. Она сумела аккуратно уклониться от твоих расспросов, переведя разговор на ванную. Говорить о нем она не хочет.

Ты вспоминаешь, как в прошедшие годы получал фотографии в редких письмах, а потом следил по «Фейсбуку», как росли ее дети.

Праздники, первые звонки в школе, утренники; Луис, обнимающий маму за шею. Они были близки, всегда были. Так что же там случилось?

Сара с Софи сплетничают, склонив головы друг к другу. Глядя на эту парочку, ты понимаешь, что из них двоих именно Софи, высокая, с блестящими темными волосами и почти непринужденной элегантностью, обладает более традиционной красотой.

Обе смотрят на тебя.

— Пойду поищу нам меню, — говорит Сара. — Хочешь еще бокальчик?

— Мне пока что хватит, — отвечаешь ты. — Пойти с тобой за компанию?

— Да нет, сама справлюсь.

Ты смотришь, как она уходит к барной стойке.

— Знаете, меня не оставляет ощущение, будто мы уже где-то встречались, — говорит тебе Софи, возвращая тебя в реальность.

— Не думаю, — отвечаешь ты с улыбкой. — Уверен, вас бы я точно запомнил.

— У меня отличная память на лица, — настаивает Софи. Она улыбается в ответ, но глаза при этом остаются серьезными. — Вы жили за границей все эти годы?

Складывается впечатление, будто она пытается тебя подловить.

— Выходит, что так.

Софи делает полуоборот, прослеживая за твоим взглядом, сосредоточенным на перегнувшей через стойку Саре, которая пытается привлечь внимание хозяйки заведения, а та, в свою очередь, носится между баром и рестораном.

— Пойду-ка лучше помогу ей, — говорит Софи.

Она собиралась сказать что-то другое, но пересиливает себя. А эта Софи держит с тобой оборону. Она скрытная, холодная; однако, вероятно, пока ты здесь, у тебя еще появится возможность поработать над этим. Есть подозрение, что оно того стоит.

Сара, наоборот, полная противоположность Софи. Ты не можешь перестать на нее пялиться. Она поднимает взгляд, замечает это и на какое-то мгновение попадает к тебе в ловушку, и ты заглядываешь ей прямо в сердце.

Сара

Сара обходит барную стойку с другой стороны, где потише, чтобы попросить меню. Они не собирались ужинать, но, оказывается, что никто еще не ел и все проголодались, поэтому Софи и Джордж сдвигают рядом два стола, на которых не было таблички «Заказано». Чего бы они действительно хотели, так это жареной картошки.

Это их личный эквивалент фастфуда.

Сара рада на минутку отделаться от них, получить возможность вздохнуть, проветрить голову. Жаль, что Эйден предложил ее подвезти. Она выпила два бокала вина и, откровенно говоря, с удовольствием на этом остановилась; она не желает терять контроль над собой, хочет с осторожностью подбирать слова, чтобы не совершить промах.

Какой-то импульс заставляет ее обернуться и поймать взгляд Эйдена. Он не отводит глаз.

— Сара?

Она быстро поворачивается, и, прежде чем понять, кто именно ее зовет — пристальный взгляд блестящих голубых глаз, борода, коротко стриженные жесткие каштановые кудри, — мужчина уже сжимает ее в своих медвежьих ручищах. От таких объятий дыхание перехватывает.

— Так и думал, что это ты. Как поживаешь?

— Уилл! — произносит она, лишь в этот момент обретя дар речи. — У меня все хорошо, спасибо. Как твои дела?

Уилл Брюэр — и нужно же было встретиться здесь именно с ним! Она на мгновение задумывается, припоминая их последнюю встречу. Вечеринка, посвященная двадцать первому дню рождения Луиса... Луис уехал после нее; с тех пор она Уилла не видела.

И нужно же именно сейчас! Надо же было ему

сюда заявиться! Он кажется преувеличенно довольным из-за встречи с ней, улыбка обнажает невероятно белые ровные зубы.

— У меня все лучше некуда, — говорит он. — Чудесно. Боже, какой приятный сюрприз!

— Значит, — начинает Сара, при этом ее сердце продолжает колотиться от внезапного столкновения с ним, — ты был в отъезде?

— Работал за границей, — говорит он, все так же улыбаясь. — Америка, Индия... только что вернулся из Камбоджи.

— Звучит захватывающе, — говорит она, думая про себя: «А выглядит он не очень-то загорелым».

— Ну да, так и есть. Прекрасно провел время. Если честно, даже как-то странно вернуться назад.

— И какие планы теперь?

— А, просто хочу со всеми повидаться. Столько времени прошло. Как дела у Луиса? Нужно будет пригласить его на бокальчик пива.

— Ну, — отвечает Сара, — позвони ему.

Когда Луис сдавал выпускные экзамены, Уилл все время висел у него на хвосте; они ходили вместе пить, а одно лето путешествовали по Европе. Тем летом, после аварии Джима, он даже какое-то время жил у них в доме, и Сара была за это очень ему благодарна, потому что именно в то время Луис начал уходить в себя, в такие глубины

собственного я, до которых она не могла достучаться. Уилл всегда казался очень спокойным, всё понимающим; она думала, он хорошо влияет на Луиса. Мог его выслушать, если тому нужно было выговориться.

Вспоминая о сыне, Сара испытывает очередную внезапную волну эмоций, он не говорил с ней с Рождества, да и тогда только по необходимости. А до этого от него месяцами не было ни слуху ни духу.

В тот самый момент, когда они с Уиллом смотрят друг на друга и улыбаются, а Сара думает о Луисе и его двадцать первом дне рождения, у нее из-за плеча выплывает Софи.

— Мне нужно еще выпить. Джордж ведет себя как полный придурок.

— Соф, — говорит Сара, — ты ведь помнишь Уилла?

Довольно забавно, думает она, наблюдать за тем, что происходит с людьми у тебя на глазах. Уилл переводит взгляд с лица Сары на Софи — как будто поезд переходит на другую колею. А Софи, до этого корчившая рожи в ответ на ту ерунду, с которой только что выступил Джордж, на глазах подтягивается и начинает сиять.

— Привет, Уилл, — мурлычет она, протягивая ему руку.

— Уилл — сын Лоррейн и Билла. Помнишь?

Он друг Луиса.

— Ну конечно же, — говорит она. — Как поживаешь?

Софи совершенно его не помнит. Лоррейн и Билл — люди совсем не ее круга: Билл механик, у него раньше был гараж на трассе в Холме, а Лоррейн прежде работала у Сары уборщицей, в те времена, когда Сара была слишком занята и не находила времени ни на что, кроме работы. Она слышит, как Уилл рассказывает Софи, где путешествовал, замечает, как у той загорается взгляд.

«Да он же еще совсем мальчишка, — думает она, — но в то же время и нет, уже не мальчишка, ведь так? К тому же тот еще красавчик».

Сара оставляет их, беседующих друг с другом. Тот факт, что Уилл теперь обращается к Софи, а не к ней, приносит ей облегчение.

Эйден

Ты проводишь последние двадцать минут за обсуждением крикета с каким-то мужиком по имени Йен, женатым на Диане, которая, по всей видимости, ведет занятую жизнь, состоящую из приготовления выпечки, походов в библиотеку и церковь. Конечно, они совсем не религиозны, что оба тут же подчеркивают. Им по душе посещать

церковь, потому что там собирается вся округа. Не обязательно верить в Бога, чтобы ходить в храм. На самом деле, не верить, наверное, даже проще.

Вечер получается одновременно и более информативным и более интересным, чем ты ожидал. Ты всегда любишь знакомиться с компаниями людей, которые друг друга знают. Как человека со стороны, тебя интригует возможность наблюдать за ними и подмечать все те мелочи, которые большинство упускает из виду. Мимолетные взгляды, язык тела, накал и спад страстей в разговорах. На первый взгляд, эта компания, кажется, чувствует себя совершенно комфортно друг с другом и в данном окружении: счастливое сборище друзей, которые знакомы между собой целую вечность. Они думают, ты не замечаешь, что под улыбками, румянцем на щеках и старыми шутками скрываются все их растущие, как нарывы, обиды и разочарования, но ты все видишь. Ты пока не разобрался в том, что лежит в их основе, и львиная доля в любом случае окажется не такой уж интересной, но это не мешает тебе докопаться до сути.

Ты никуда не спешишь. И уже чувствуешь себя в своей тарелке, будто заполняешь пусто`ты, которые от них остаются.

Неразлучные Бекка и Дэниэл, продолжающие фразы друг за друга, немного действуют тебе на

нервы, но остальные вполне ничего. Йен с его бесконечной болтовней о спортивных победах кажется неплохим парнем. Правда, позже, когда вы усаживаетесь за стол, ты замечаешь, что он выбрал место подальше от Дианы и она тоже обратила на это внимание и с тех пор не произнесла ни слова. Она вроде улыбается рассказам Берри о местном любительском драмкружке, но держится натянуто, словно забыла, как работают ее ноги и руки, и не хочет ошибиться. Йен, проигнорировав это обстоятельство, продолжает болтать о пробном матче. Неужели он и в самом деле такой бездушный или просто идиот?

Лучшая подруга Сары — Софи — совсем другая история. Она, безусловно, привлекает этой своей тонкой грацией, наталкивающей на мысль, уж не была ли раньше моделью или танцовщицей, — но в то же время держится замкнуто. Скрывает эмоции. Она тебе не доверяет. Примеряется к тебе, наблюдает за тобой своими сонными кошачьими глазами. Интересно, что она о тебе сейчас думает.

Разумеется, ты вел себя самым примерным образом, но это может быть абсолютно не важно, особенно если взгляд, которым она тебя оценивает, означает именно то, что можно предположить.

Она провела много времени у барной стойки, однако теперь вернулась с двумя новыми

бутылками вина. Протягивает тебе бокал, уже не впервой, но ты ее останавливаешь.

— Я за рулем, — повторяешь ты. В который раз.

У нее блестят глаза и горят щеки. Что-то произошло.

— Я заказала картошку, сырны чипсы, оливки и хлеб, — объявляет она всему столу, а потом садится рядом с тобой. — Итак, Эйден, расскажи-ка мне, как вы с Сарой познакомились?

Ты переводишь взгляд на Сару, и на мгновение ваши глаза встречаются. Она отворачивается первой, а затем говорит:

— Эйден был другом Джима. Мы все познакомились в университете. Больше двадцати лет назад.

Интересно, думаешь ты, Сара решила ответить на вопрос, который Софи вообще-то задала тебе.

— Я, кажется, припоминаю, как говорил Джиму, что ему стоит держаться от тебя подальше, — произносишь ты с улыбкой.

Сара смеется, какое облегчение.

— Не похоже, чтобы ты был настоящим другом, — замечает Софи.

— Да дело не в том. Я прекрасно понимал, что он от нее без ума. Просто знал, что могу в два счета потерять друга, вот и все. Конечно, в конце концов

Саре пришлось везде шататься с нами обоими, бедняжке.

— И тебе удалось сдержать собственную ревность? — спрашивает Софи.

Ее вопрос наполнен всеми возможными подтекстами. Ты даешь единственный ответ, в котором есть хоть капля правды:

— Мне было не с чего ревновать.

Софи бросает взгляд на Сару, и та удовлетворенно улыбается. Кажется, ты что-то, сам того не понимая, выдал. Нутром чувствуешь: она собирается попробовать расшатать ситуацию. Придется за ней приглядывать или подластиться к ней. Это бы тебе удалось, само собой. С Джорджем ты не разговаривал, если не считать короткого приветствия, но исходя из его поведения становится ясно, что она не прочь сходить налево, если представится такая возможность.

Женщины ее типа никогда этим не брезгают.

В конце концов, выходит, возвращение было не самой плохой идеей. После сегодняшнего вечера, кажется, передо мной открывается целый мир новых возможностей.

А эти женщины — обе прекрасные и изголодавшиеся. При желании я бы мог заарканить любую из них, достаточно приложить немного

усилий.

Милая Сара; в конце концов, мы знаем друг друга столько лет. Неужели я и правда хочу возвращаться к делам минувших дней? Наверное, все-таки нет. Тогда были совсем другие обстоятельства, верно? Но она все равно пригодится.

Нужно сделать пометку: не портить с ней отношения.

А как насчет чувственной Софи? Она горячая штучка, верно? Я это сразу заметил. Но за шармом, улыбкой, прозрачными глазами поджидает что-то более темное, глубокое.

Она хочет поиграть.

Сара

Проходит час, единственный ломтик хлеба, перехваченный Сарой, нисколько не приглушил все выпитое вино, и она почти с удивлением понимает, что напилась. Она слушает историю Джорджа о члене парламента, который интересовался, можно ли списать потраченные на гоночную яхту средства за счет государства на том основании, что в его избирательный округ входят три обитаемых острова.

Эту историю уже знают все, кроме Эйдена, который вообще ее не слушает.

Он положил тыльную сторону ладони на коленку Сары под столом, а она обхватила его руку пальцами. Интересно, когда это случилось? И давно она уже держит его руку? Она как будто бы чувствует, как к ней приходит осознание, и после легкого пожатия отстраняется.

Ей тут же начинает казаться, что она все это нафантазировала. Она поднимает на него взгляд. Он смеется Джорджу в ответ, но она замечает, как его взгляд скользит через стол туда, где должна сидеть Софи. Она нетвердо повторяет траекторию его взгляда. Софи болтает с Уиллом Брюэром, тот взгромоздился на низкий табурет, вытянув ноги, и оперся локтями на колени, при этом обратив все свое внимание на Софи. Она что-то говорит, и он хохочет, откидывается назад, потирает бровь большим пальцем. Он не может отвести от нее глаз.

К счастью, Джордж, кажется, совершенно не замечает этого. Не то чтобы подобные вещи имели какое-то значение, учитывая его прошлое. В том году примерно в это же время Джордж сознался, что у него был двухлетний роман с бывшей моделью, с которой они сошлись на одном благотворительном вечере. Софи известно, что тот случай был не единственным походом налево, хотя и первым, который он признал. Как раз перед Рождеством Софи высказала подозрение, что Джордж, возможно, снова взялся за старое. Ничего

не было доказано, и никаких признаний тоже не последовало. В любом случае ей бы вряд ли пригодилась подобная информация, она уже допустила прецедент, простив его и сделав вид, что ничего не произошло.

По мнению Сары, Софи достойна большего.

Она снова переводит взгляд на Эйдена и спрашивает:

— Ты не против, если мы скоро начнем собираться?

Когда Сара встает, чтобы попрощаться с Софи, она немного пошатывается и восстанавливает баланс, хватаясь рукой за спинку стула Джорджа.

— Иди ко мне, — говорит Софи, сжимая ее в объятиях. — Я рада, что ты пришла.

— Я тоже. Спасибо, что пригласила.

Она видит, как из-за плеча подруги выглядывает Уилл, нетерпеливо ожидая, когда она снова отпустит Софи. Сара прикрывает глаза.

— Я набралась, — говорит она.

— Будь осторожнее, — шепчет Софи.

— Конечно. Не волнуйся. За рулем Эйден.

— Я знаю, — говорит та. — Я имела в виду другое.

Эйден

На парковке стоит собачий холод. Ты помогаешь Саре, поддерживая ее рукой за талию.

Она не произносит ни слова до тех пор, пока вы не садитесь в машину и не пристегиваетесь.

— Спасибо, что не рассказал Софи, — говорит она.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, о тебе и обо мне. О том, что было тогда.

Фары машины выхватывают из темноты старого джек-рассел-терьера и его такого же престарелого хозяина, пересекающего парковку.

Ты ждешь, пока собака присаживается помочиться. Старик поднимает руку в знак благодарности.

— Дела давно минувших дней, — говоришь ты.

— Все равно. Она думает, что мы с Джимом были прямо идеальной парой, просто потому, что... — она резко умолкает.

— Просто почему?

Конец фразы повисает в воздухе. Может, она забыла, что хотела сказать.

Ты проезжаешь мимо мотоцикла, который едет по встречке, но поднимаясь на холм, не встречаешь на дороге больше ни души. Ты думаешь о Джиме и о том, была ли та ночь похожа на эту.

— А что это за парень, с которым болтала

Софи? — спрашиваешь ты.

— Уилл Брюэр, — говорит она. — Он раньше все время водился с Луисом, в старые времена. Я не видела его с тех пор, как сыну исполнился двадцать один.

— Он куда-то уезжал?

— У него родители расстались. Мать уехала в Моркам с младшей сестрой; отец вернулся в Шотландию, прихватив его старшего брата. А Уилл вроде как остался не при делах. С тех пор жил будто перекаати-поле.

Она выглядывает из окна, правда, ты не имеешь ни малейшего понятия, на что именно смотрит. За окном крошечная тьма, и только фары высвечивают серпантин дороги. Когда шоссе забирает под горку еще резче, ты переключаешь передачу.

— Он что, друг Софи? — спрашиваешь ты.

Эта часть вечера интригует тебя больше всего: как за их столом появился молодой человек, одетый в обычные джинсы и клетчатую рубашку. Ты отметил и это, и все остальное: растрепанные волосы, бороду, кожаные браслеты и серебряный гвоздик в носу. Ему самое место развлекаться на каком-нибудь карнавале или продавать дешевые солнцезащитные очки на пляже. Но сидеть рядом с безупречно одетой Софи?..

— Да нет, они только что познакомились, —

отвечает Сара.

Больше ты ничего не говоришь. Подъезжаешь к главному дому, выключаешь мотор и какое-то время продолжаешь сидеть в машине. Из дома доносится приглушенный лай собак. И больше ничего.

— Ты держал меня за руку, — произносит она.

Ты переводишь на нее взгляд. Она поворачивает голову, и вы оказываетесь лицом к лицу.

— Да, — говоришь ты.

На мгновение повисает пауза.

— Хочешь зайти?

Сара

Прижатая к краю кухонного стола, Сара дает себе мысленное наставление: «Я хочу запомнить это».

Она уже забыла, как выглядит животный голод. Забыла, каково это, чувствовать на своей коже прикосновение чужих рук, когда тебя держит, сжимает в объятиях кто-то сильный, ощущать натиск поцелуев этого человека, имеющих легкий привкус вина и старых воспоминаний. От него доносится едва ощутимый запах бальзама после бритья, чистого пота, теплой кожи. Его щека трется

о ее щеку, как наждачка. Все действие, точно шепот прошлого, выплывает из тумана и снова исчезает в нем.

Ее непослушные от выпитого пальцы одеревенели.

— Ты уверена? — спрашивает он, не выпуская ее губы из своих.

— М-м, — отвечает она, как будто вместе со всем прочим разучилась говорить.

— Тогда пошли, — произносит он, резко прекращает ласки, берет ее за руку и выводит из кухни.

Сара на секунду задерживает взгляд на Тесс, которая наблюдает за ней. Она представляет, как на морде Тесс мелькает некое осуждение, и начинает хихикать от этого образа.

— А здесь, наверху, прохладно, — говорит он, когда они поднимаются в спальню. — Ты не замерзла?

Она трясет головой; чувствует жар и один за другим срывает предметы одежды. Не то чтобы очень эротично... Но она давно забыла все правила соблазнения. Нужно вести себя немного дразняще, ведь так? Хотя, пожалуй, время игр прошло. К тому же он все это видел.

Она думает, что в более трезвом состоянии уже начала бы волноваться из-за всех тех частей тела, которые были куда более упругими в их

прошлый раз, больше двадцати лет назад, а ныне потерявших первоизданную форму: обвисший живот, в котором она выносила двоих детей, бледные следы растяжек, мешки под глазами.

Непохоже, чтобы он обращал на все это внимание или чтобы его волновали подобные детали, к тому же сейчас темно и он торопится, стаскивая собственные джинсы и снова хватаясь за нее, не успев до конца высвободиться из штанин, — это обнадеживает.

«Ты достаточно набралась, чтобы не заикливаться на мелочах», — думает она про себя. Он снова спрашивает: «Ты уверена, что хочешь?», как будто ждет, что сейчас она его внезапно оттолкнет. В конце концов, он-то ведь трезвый.

На нее волной накатывает голод, неудовлетворенность, отчаяние.

— Просто трахни меня, — выдыхает она.

Именно так он и поступает.

Сара просыпается еще до рассвета.

Во рту пересохло, язык — как кусок резины, потому что она спала на спине с открытым ртом. К тому же, скорее всего, еще и храпела, правда, учитывая, что поблизости нет никого, кроме собак, это не имеет никакого значения.

Эйден, если он вообще тут был, давным-давно исчез.

С минуту она лежит неподвижно и думает о

случившемся в пабе. Сколько она выпила? Тогда казалось, вроде бы немного, но Софи все подливала и подливала вина, приговаривая, как хорошо, что Сара наконец не за рулем. А еще Сара нервничала из-за того, что нужно всех знакомить с Эйденом. Конечно, о нем ей не стоило волноваться. Он тот еще игрок. Кажется, все остались от него в полном восторге.

Какое-то время она продолжает сидеть на краю кровати, прежде чем вытянуть ноги и встать; идет в туалет и моет кажущиеся липкими руки. Потом до дна выпивает полный стакан холодной воды и, покончив с ним, тяжело вздыхает. Наливает еще стакан и делает несколько глотков, выключает свет в ванной и возвращается со стаканом в спальню.

Часы показывают половину третьего.

За окном снова поднялся ветер, и она слышит, как он рвется в окно. Здесь, наверху, всегда бушует стихия; даже через двойную раму ветер то и дело бьется в стены и стекла, так и норовя забраться внутрь. Он воет, и скулит, и скребет что-то в цементной кладке, обрываясь лишенным мелодии свистом. Она забирается обратно в теплую постель.

Вспоминает, как Эйден держал ее за руку; не знает, как выходила из бара. Помнит только, что сидела в машине перед домом и приглашала его войти. Помнит прикосновение его тела, твердого и

сильного, которое прижималось к ней.

Он не уставал спрашивать, уверена ли она, словно ему хотелось пойти на попятную, но не хватило храбрости сделать первый шаг.

«Вот дерьмо, — думает она. — Больше никогда не буду пить. Мне не хватает уверенности. Я совсем забыла, как это все работает».

Когда Сара выводит собак на прогулку, машины Эйдена не оказывается на месте. Она задается вопросом, уж не устроил ли он побег — решил в итоге не оставаться и уехать в Лондон или погостить у друзей, и все в таком духе. Она бы не стала его винить. В тусклом сером свете дня, приняв душ и одевшись, она решает, что вчерашняя ночь — это сплошной чудовищный конфуз.

Бо`льшую часть дня ее мозг ощущается твердой плотной массой, точно слишком сильно взбитый крем; она берет в студию бутылку воды и регулярно отпивает из нее, пока рассматривает иллюстрацию, над которой работает для «Поросенка из сахарной ваты в цирке». Само собой, в ее цирке нет животных, по крайней мере, в привычном понимании. Акробаты у нее — мыши, шпрыхсталмейстер⁴ — слон, а клоуны — стайка ненормальных чаек. Она приходит к выводу, что

⁴ Работник цирка, ведущий представление.

идея с чайками не работает; думает о том, что клоунами по-хорошему должны быть мартышки. Но она терпеть не может предсказуемость.

Сегодня все кажется бессмыслицей. Такое продаваться не будет.

В конце концов Сара откладывает набросок в сторону и берется перерисовывать детский портрет Луиса, один из ее любимых, тот, где он поднимает вверх пустую ракушку улитки, его брови сдвинуты в деловитом прищуре ученого-первооткрывателя. Через пару секунд после этого кадра пальчики двухлетнего малыша сжались слишком сильно, и ракушка рассыпалась на тысячи осколков. Детскому горю не было предела.

У нее в студии хранится полный ящик набросков и акварелей с портретами детей каждого года их жизни, некоторые срисованы с фотографий, другие написаны по памяти.

Изображений Луиса больше, чем Китти. Не то чтобы сына она любила сильнее, просто его гримасы всегда ее вдохновляли: его вечно разбирало любопытство, он излучал открытость, восторг. С Китти было намного сложнее, чем с обычным ребенком. Она слишком поздно заговорила и в результате долгое время пребывала в состоянии плохо скрываемого бешенства от невозможности выразить собственные мысли. С ней постоянно случались истерики, часто

необъяснимые и выматывающие. Несколько месяцев подряд Сара почти не выходила из дому, потратив уйму времени и энергии на извинения и в конце концов забросив это дело, когда ей стало совсем тошно от взглядов на лицах посторонних. «Какая плохая мать, — думали все. — Испортила девчонку, дала ей распоясаться. Подобное следует пресекать на корню, только так и можно справиться с проблемным поведением». Луис всегда любил сестру, с первой минуты ее рождения; но даже он не мог понять, как нужно реагировать на ее бешенство.

Итог был таков, что ситуация улучшалась, когда Сара оставалась дома с Китти, и усугублялась, стоило только выйти за дверь. В домашнем окружении Китти вела себя спокойнее; у нее появлялось время и пространство для принятия решений, собственных раздумий. И мало-помалу в тишине и покое речь начала проклевываться, истерики стали уходить на второй план, постепенно сойдя на нет. Но Сара их прекрасно помнит: угрюмость, красные щеки, брови, ниточками сдвинутые к центру, оскал зубов и такие душераздирающие вопли, что от них звенит в ушах.

После всего пережитого кажется странным, что теперь именно к дочери она может обратиться, в то время как Луис прекратил общение с ней.

В обеденный перерыв она пытается

дозвониться до Китти. У той часто подходят сроки сдавать эссе, поэтому Сара старается не отвлекать дочь, но каждый день подолгу представляет, что там делает ее девочка. Если она не сидит на лекциях, значит, торчит в библиотеке или работает у себя в комнате. С тех пор как приехал Эйден, Сара оставила Китти два голосовых сообщения, и Китти сделала то же самое.

— Мама! Наконец-то. Никак не могу тебя застать.

— Знаю, сейчас у тебя полно работы. Как дела?

У Китти только что начался второй семестр. С Рождества дела ее решительно пошли в гору, а у Сары — наоборот. В прошлом семестре Китти скучала по дому; звонила чуть ли не каждый день. Но к Рождеству она завела друзей, вступила в киноклуб и занялась написанием сценариев для него, начала бегать вместе с соседкой по квартире. К началу января она уже отчаянно рвалась назад, а Сара, столкнувшись с перспективой того, что Китти еще несколько месяцев не появится дома, испытала острую пустоту потери.

— Все хорошо.

— Как квартира?

— О, нормально, если не считать парня с верхнего этажа и его чертовой барабанной установки. Но мы хотим собраться и поговорить с

ним; Оскар считает, что это уже слишком.

— Оскар? — Последнее время это имя все чаще мелькает в разговорах, а если ему надоели барабаны, значит, он подолгу бывает в квартире Китти.

— Ага, — говорит дочь.

Сара чувствует улыбку в ее голосе. Хочет спросить, но решает пока оставить все как есть. Коль будет, что сообщить, Китти скажет, нужно дать ей время. «Сменим тему».

— А у меня, кстати, новый сосед.

— Серьезно? Что ты имеешь в виду?

Наверное, Китти ждет рассказа о том, что Сара взяла козла для борьбы с полевой травой. Этот план назревал уже давно, но так и не воплотился в жизнь.

— Помнишь Эйдена, нашего с папой университетского друга?

— Туманно.

— Он вернулся в Англию и какое-то время погостит в коттедже.

«И мы трахались вчера ночью», — Сару так и тянет добавить это, просто чтобы ощутить реальность произошедшего. Конечно, она не собирается на самом деле говорить такое. Об этом Китти знать необязательно. Она бы в ужас пришла.

— О, — произносит дочь. — Тебе, наверное, теперь повеселее, да? То есть с ним же все в

порядке, правда?

— Конечно. В любом случае я его и видеть почти не буду; у него собственное пространство. Но мне все равно кажется, что неплохо, когда кто-то живет поблизости. Без тебя дома стало так тихо.

— Ты что, шутишь?! А как же Бэйзил и Тесс, и я ни на минуту не поверю, что Софи не заглядывает к тебе через каждые пять минут. Ты всегда жаловалась, что никак не найдешь и секунды для себя.

Сара смеется.

— Знаю, знаю. Как с учебными нагрузками? Совсем вымоталась?

Еще один отвлекающий маневр, ювелирная работа. Следующие десять минут Китти перечисляет свои обязанности, зачитывает списки и рассказывает обо всем, чем занята, при том она еще умудряется находить время и для вечеринок.

Сара чувствует облегчение, что наконец смогла рассказать о появлении Эйдена. Как-то странно, что в ее жизни произошли такие впечатляющие перемены, а она даже не успела посоветоваться с дочерью. Складывается ощущение, будто Китти все больше отдаляется от нее.

Повесив трубку, Сара пробует набрать номер мобильного Луиса. Звонок остается без ответа, и оставить сообщение тоже нельзя. Луис свел все

контакты с ней к имейлам и эсэмэскам, это уже не то, чем он когда-то отвечал ей. Но она все равно отправляет сообщение.

Надеюсь, у тебя все в порядке. Позвони домой, если будет минутка. Люблю, мама xxx

Она знает, что Луис не ответит. Сегодня, правда, это кажется не столь важным.

В четыре — немного позже, чем обычно, она только начинает входить в заведенный ритм — Сара кормит собак и выводит их погулять на поле за домом. Расстояние не такое уж и солидное, но она постарается обеспечить им достаточную нагрузку с помощью мячика. Бэйзил, как обычно, с маниакальным энтузиазмом гоняется за мячом, словно ради этого и родился на свет. Стоит Бэйзилу выронить мяч изо рта, его утаскивает Тесс, после чего отбегает подальше и бросает, предоставляя Бэйзилу возможность завершить круг и вернуть мячик Саре, чтобы та снова его бросила. Создается впечатление, что Тесс просто обожает дразнить Бэйзила.

На дальнем краю поля Сара проходит вдоль каменной стены сухой кладки, отделяющей ее землю от пустоши наверху, и под настроение проверяет, все ли камни лежат плотно, пока не становится слишком темно, чтобы разглядывать их. Сказать по правде, поле для нее явно великовато. Когда на улице теплеет, садовник Джорджа дважды

в месяц приезжает сюда на тракторе, косит траву и увозит ее. За эту услугу он берет с нее 10 фунтов, а потом еще выручает деньги и от продажи сена. Саре стоит подумать о том, чтобы не скашивать траву, а оставить на корм скоту, но так приятно иметь возможность выгуливать здесь собак и не переживать, что те будут бегать за дикой живностью или валяться в колючках на каждом шагу.

В долине начинают вспыхивать огни, сотня чайников включается подогреть кипятка для сотни чашек чая после работы. В коттедже горит свет. Машина снова на месте; должно быть, он все-таки решил остаться.

Сара целый день не чувствовала голода, но между тем заставляет себя проглотить ломтик тоста, прослушивая новости. Она подумывает о том, чтобы вернуться в студию, хотя теперь начался дождь; слышно, как капли бьют о стекло. Думает, не позвонить ли Китти еще разок. Но чего она хочет по-настоящему, так это позвонить Софи, рассказать ей об Эйдене, выложить все как на исповеди. Выходит, дело именно в этом? Ей нужно очиститься? Однако сегодня Софи с Джорджем отправились на какой-то званый ужин для избирателей округа, а к нему готовились несколько месяцев. Софи не появится дома до поздней ночи.

В конце концов Сара набирает ванну в

надежде, что после нее захочется спать, потому что, начав думать о нем — об Эйдене, — она уже не может остановиться. Она медленно раздевается, машинально сворачивая одежду и складывая ее на стул. Наклонившись вперед, сбрасывает лифчик, мягкий хлопок легко скользит по груди, нагота моментально напоминает ей о прошлой ночи, и ее тело наполняется волной жара.

За шоком от собственного возбуждения секунду спустя следует опасное жжение у висков. Она сама его пригласила. Сама напилась. Затянула его в постель. А он не остался. Не пришел к ней, не прислал сообщения, и даже несмотря на то, что живет всего в нескольких ярдах, с таким же успехом мог оставаться в своей Японии, или где он там все это время болтался.

Сара садится в ванную, шмыгая носом и пытаясь не расплакаться. Но волна горя все равно накрывает ее; слезы появляются из ниоткуда. Она утыкает лицо в горячие мокрые ладони, всхлипывает.

«Вот же ублюдок, — думает она. — Я и забыла, какой ты на самом деле кусок дерьма».

Эйден

За прошедшую неделю тебе удалось решить множество проблем. Твоя жизнь изменилась

бесповоротно, и ты не всегда успеваешь контролировать все происходящее. Кем должен быть. Как следует вести себя.

Ты решил, что не будешь ей рассказывать. Не скажешь ей ничего. И все тут же начинает усложняться. Ты задавался вопросом, насколько много успел ей рассказать Джим, и теперь убеждаешься в том, что она вообще ничего не знает: ни почему уехал, ни где был, ни что делал. Тем больше причин помалкивать об этом. Что хорошего в том, если все рассказать сейчас? Ей от этого лучше точно не станет. Может быть, лучше стало бы тебе. На очень короткое время.

Ты понял, что совершенно не умеешь контролировать собственные чувства.

Решил, что, вероятно, если жизнь пойдет своим чередом, сможешь начать все с чистого листа: новая жизнь, новая работа, что-нибудь в рамках закона. Пора оставить прошлое и приниматься зарабатывать деньги другим способом, тем, о котором можно, по крайней мере, перекинуться парой слов в любезной беседе, даже если деньги не будут идти ни в какое сравнение с прошлыми. Тебе понадобится чья-нибудь помощь. Сара Карпентер могла бы помочь. Правда, она об этом пока не догадывается.

Ты понял, что постоянное притворство требует невероятных усилий и чудовищно

выматывает.

Ты твердишь себе, что если скрываться достаточно долго, лицедейство войдет в привычку и со временем станет легко. Шаг за шагом. Только так все и получится.

Ты надеваешь толстовку и выходишь в темноту, надеясь, что свежий воздух сможет как-то помочь. Ночью здесь чудовищно темно; ближайшие фонари горят далеко в долине, вспышки оранжевого сияния. А единственные огни здесь, наверху, — это свет с верхнего этажа из окон Сары.

Ты следуешь по дорожке вокруг сада, поднимаешься на крутой травянистый склон, ожидая увидеть что-нибудь вроде общей панорамы долины; но когда доходишь до стены из камня сухой кладки, чуть не переваливаешься через нее. Оглядываясь, видишь за собой одну темноту, огни в долине и черный силуэт дома, притаившегося под склоном холма.

Ты больше не собираешься трахаться с Сарой Карпенгер. Это было ошибкой; ты потерял контроль над собой. Подобное не должно повториться. Она нужна тебе как друг. Ты не можешь ожидать от нее помощи, если намерен издеваться над ее чувствами, как в прошлый раз.

В одном из окон вспыхивает свет, и ты смотришь, как Сара набирает в ванну воду. Ты замираешь, продолжая наблюдать, даже когда она

раздевается.

Ты следишь за ней из темноты сада под окном и понимаешь, что если снова представится возможность ее трахнуть, то, наверное, не сможешь сдержаться.

Часть вторая

Сара

Выводя собак на прогулку, Сара первым делом замечает припаркованную во дворе машину Эйдена. Шторы в коттедже задернуты, свет не горит, но еще рано, нет даже семи. Всю дорогу на холм она обдумывает, стоит ли на обратном пути, часов, может, в девять, постучать к нему в дверь, предложить кофе. На десять у нее назначен визит к стоматологу, что дает ей прекрасное оправдание повернуть все побыстрее. Только переброситься фразами, сгладить острые углы, верно?

Она может сказать: «Слушай, я немного перебрала. Давай притворимся, что ничего не произошло, договорились?»

Мысленно Сара репетирует, как будет все это произносить, весело, с улыбкой, в конце концов ей кажется, что именно это он и хочет услышать. Он обо всем сожалеет, по крайней мере должен, иначе

с чего ему исчезать, пока она спит? Почему он не пришел на следующий день, не позвонил, даже эсэмэску не прислал? Именно таким гаденьким образом и ведут себя мужчины, думает она, или не все мужчины, а конкретно Эйден — так уж он устроен. С какой вообще стати она решила, что он мог хоть немного повзрослеть за последние двадцать с чем-то лет?

Тесс с Бэйзилем скрываются за вершиной холма. Когда Сара достигает этого места, солнце проглядывает из-за туч, заливая долину ярким золотым светом, таким внезапным, что у нее замирает дыхание. Она охватывает взглядом все вокруг, целый мир лежит у ее ног: крошечные дома, поля, вьющиеся змейки дорог с миниатюрными фургончиками, машинами и грузовиками размером со спичечную коробку, которые катятся в направлении Йорка.

«Он мне совершенно не нужен, — думает она. — Я прекрасно жила сама, пока он не приехал».

С другой стороны, в игру включается немаловажный фактор денег, поступивших на ее счет в день его приезда: одна тысяча шестьсот фунтов. Само собой, вся сумма тут же ушла на непогашенную задолженность по кредиту, но ей удалось, по крайней мере, почти до краев заполнить эту бездну. В следующем месяце она даже сможет

начать возвращать деньги, которые должна по кредиткам.

И все-таки приятно чувствовать, что рядом кто-то есть, просто на всякий случай. Она обещала, что не станет просить его чистить выгребную яму, но есть и другие поводы для беспокойства. Здесь, наверху, случается, возникает чувство, будто до ближайшего человека ехать и ехать. Закричи она, никто не услышит.

От одной мысли ей делается смешно; Эйден в коттедже, скорее всего, тоже не услышал бы ее криков.

Ну, в таком случае, лучше и не кричать; ничего хорошего из этого точно не выйдет.

Бэйзил бежит ей навстречу по дорожке, при этом у него что-то торчит из пасти сбоку. Тесс вышагивает следом, скаля зубы в уверенном и четком осознании того, что сейчас кое-кому влетит, и она не собирается упускать это зрелище.

— Бэйзил! Сейчас же выплюни! Брось!

Он медлит, пока не оказывается рядом, точно настоящая легавая, которой себя мнит; затем садится и аккуратно кладет ей под ноги крыло со сгнившим скелетом большой черной птицы, вороны, грача или вроде того. Сара, подавляя тошноту, отворачивается, а пес радостно виляет хвостом.

Телефон звонит, когда Сара спускается

обратно с холма, при этом неловко спотыкаясь, потому что пришлось взять Бэйзила на поводок, чтобы тот не пытался вернуться к своей находке. Она делает попытки управиться и с телефоном, и с поводком, но в конце концов сдается и отпускает Бэйзила на свободу. Он либо уже обо всем забыл, либо отчаянно рвется домой, однако, к счастью уносится по склону вниз.

— Приве-ет, — говорит она.

Это Софи.

— Привет. У тебя найдется время выпить кофе сегодня днем?

— Конечно. Во сколько? У меня зубной на десять.

— Как насчет одиннадцати? У Баркера?

— Супер. Позвоню, если буду задерживаться.

Когда она подходит к задней двери, Бэйзил уже поджидает ее на месте, легко помахивая хвостом в надежде, что она разрешит ему вернуться и все-таки прихватить добычу.

В 9.40, позавтракав и собравшись, Сара стоит перед кухонной раковиной и смотрит на окно коттеджа. Шторы все еще задернуты. Она думает, не зайти ли таки разбудить его, в конце концов, кто спит в такое время? Но если устраивать разборки, то пускай он хотя бы сначала проснется, оденется и не будет сонным.

Лучше подождать?

Эйден

Ты просыпаешься от стука в дверь, достаточно громкого, чтобы понять, что человек снаружи стучит уже какое-то время. Смотришь на часы. Почти десять. Встаешь с кровати и босиком подходишь к входной двери.

Это подруга Сары Софи. Та, что с темными волосами и глазами, которые не упускают ничего.

— Ох, прости, — весело говорит она. — Я тебя разбудила?

— Ничего, — отвечаешь ты, — я работал допоздна. Хочешь зайти?

Ты не ждешь, что она примет приглашение, — в конце концов, стоишь в одних трусах и футболке, которую давно пора выбросить, — но Софи улыбается и заходит, властно цокая каблуками по плитке на полу.

— Чай? — предлагаешь ты. — Или кофе?

— Я бы с удовольствием выпила чашечку кофе, — отвечает она. — Черный, без сахара.

Ты набираешь воды в чайник и ставишь на плиту. Она, наверное, не ожидала растворимого, но сейчас это все, что ты можешь предложить.

— Чувствуй себя как дома, — говоришь ты. — Я вернусь через минуту.

Джинсы, чистая рубашка, носки. Дезодорант.

По крайней мере, теперь ты не ощущаешь себя таким уязвимым.

Когда возвращаешься в кухню, Софи уже готовит кофе. Она, безусловно, очень привлекательна — а если точнее, настоящая красавица. Но между вами есть какая-то недосказанность, и ты задаешься вопросом, прояснится ли она сейчас.

— Я решила, что должна заглянуть, — произносит Софи, не оборачиваясь. — Сара отправилась к зубному.

— А-а, — отвечаешь ты. — Мы не встречались уже день или два.

— Вот как, — говорит она, ставя две чашки на кухонный стол и не выражая даже притворного удивления. — Как ты тут устроился?

— Неплохо.

Возникает пауза. Ты достаешь из холодильника молоко и добавляешь себе в чашку. Софи, присев к столу, наблюдает за твоими действиями.

— Мне показалось, мы начали не так, как следовало бы, — честно говорит она.

— Неужели?

— Сам знаешь, что это правда. И точно знаешь почему, поэтому можешь перестать притворяться.

Ты садишься напротив нее, сохраняя

нейтральное выражение лица. Она права, притворяться не имеет смысла. Тем более теперь, когда здесь нет никого и вы двое сидите лицом к лицу. Сары тут нет. Коль не можешь быть честным сейчас, то когда? А если серьезно, так даже проще.

Сара

Сара настолько теряет себя в собственных мыслях, что уже подходит к машине, когда понимает, что ее кто-то зовет:

— Сара! Сара!

Это Уилл кричит ей чуть ли не с другого конца парковки. Он начинает бежать в ее сторону, давая таким образом пару секунд форы, чтобы изобразить на лице подходящую случаю улыбку. Пока он трусит к ней, о его спину бьется привязанный сзади чехол с гитарой.

— Извини, — говорит она, — я витала в облаках.

— Как у тебя дела? — спрашивает он. — В прошлый раз я неплохо повеселился.

Он имеет в виду паб? Со всеми этими старыми пердунами?

— Приятно слышать, — неопределенно отвечает она. — Я передам Софи; как раз собираемся с ней встретиться.

Он так улыбается в ответ, что, поразмыслив,

она находит эту улыбку немного странной.

— Серьезно? — говорит он. — Передавай ей привет от меня. И спасибо.

— А где ты сейчас живешь? — интересуется она и тут же начинает раскаиваться в этом вопросе.

— Ну, я буду присматривать за домом каких-то друзей Софи из деревни — они уезжают в отпуск в Париж. Так что на выходных меня поджидает неплохое местечко. А потом — неизвестно где.

— А что твоя мама? Как она поживает? Я собиралась спросить еще в прошлый раз.

Улыбка на его лице слабеет.

— У нее все в порядке. По крайней мере, насколько мне известно. Эмили приняли в школьный оркестр.

— Правда, и на чем же она играет?

— На трубе.

— Пошла по следам старшего брата, — говорит Сара, взглядом указывая на гитару. — Музыкальная семья.

— Ну да, — отвечает он, слегка улыбнувшись. — Наверное, можно и так сказать. Я соскучился по сестренке.

— А как твой папа? И Роберт?

— Мы реже общаемся, но у них все в порядке. Дядя открыл очередной гараж в Пейсли, так что папа теперь там менеджер. Роберт тоже к ним

переехал.

Пока они говорили, поднялся ветер, и Сара почувствовала, как на нее падают первые капли дождя.

— Думаю, мне пора, — говорит она. — Было приятно снова увидеться.

— Что ж, тогда до скорого, — отвечает он.

Она наблюдает за тем, как он трусцой бежит через площадь в сторону «Ко-опа». Несмотря на то, что дождь усиливается, Сара остается и пережидает снаружи, потому что сегодня надеется пообщаться с Софи с глазу на глаз и не хочет, чтобы Уилл встревал в этот откровенный разговор.

Как только он исчезает из виду, Сара, развернувшись, направляется в сторону узкого переулка, ведущего во дворик с «Чайными комнатами Баркера», их излюбленным местом для дневных посиделок.

Софи уже пришла и сидит на диване из темной кожи в глубине заведения. Сара развязывает свой шерстяной шарф и стягивает куртку, успевшую намокнуть; цепляет ее на вешалку для пальто.

— Я заказала тебе чай, — говорит Софи, обнимая ее. — Если проголодалась, у них есть свежие булочки. Только что видела, как их доставали из печи.

— Я что-то потеряла аппетит, — произносит

Сара.

— И не говори, — отвечает ей Софи, — все из-за Эйдена.

Сара хмурится.

— С чего это ты так решила?

Но подруга, конечно, права. Всему виной или Эйден, или отголоски похмелья, а возможно, и полусгнившая птица, которую притащил Бэйзил.

Повисает пауза. Софи смотрит на Сару, пытаясь найти верный подход.

— Дело в том, что я подумала, будто где-то уже видела его.

— Что?

— Ну, тогда в баре. Он показался мне знакомым.

Сара задумывается над сказанным, подливая чай из заварника. Чай настоящий, темный, крепкий.

— Скорее всего, ты его с кем-то путаешь, — говорит она. — Просто у него такое лицо.

— Я хорошо запоминаю лица, — отвечает Софи, — сама прекрасно знаешь.

Она права. Софи никогда не забывает имен и лиц. В частности, поэтому она так прекрасно подходит Джорджу: Софи включает обаяние как лампочку, заставляя каждого человека почувствовать себя невероятно особенным, потому что запомнила его после единственной встречи.

— Ну он-то был в Японии, — вяло возражает

Сара и делает глоток чая. — Или где-то там.

— Да, ты говорила мне, что он уехал за границу. Помню, как ты посылала ему приглашение на похороны Джима — ведь так? — но он не приехал. Однако он же мог приезжать погостить, хотя бы разок, — говорит Софи.

— Где ты его видела?

— Это было несколько лет назад в Лондоне. В тот раз, когда я столкнулась с Джимом в городе. Помнишь, я тебе об этом рассказывала? Он сидел в ресторане в Атене. У меня тогда была встреча с Лоисом Бэкингом.

— Смутно припоминаю.

— Джим сидел с этим парнем. Я подошла и сказала: «Привет, вот так сюрприз», и все в таком духе. А он ответил, что обедает с другом и представил мне сидящего с ним человека. Все походило на деловую встречу, оба были в костюмах — и больше я об этом не вспоминала. Тогда я совершенно не обратила внимания на его друга. Но это точно был он. Эйден.

— И когда все случилось?

— Должно быть, за пару месяцев до аварии Джима. Раньше этого быть точно не могло.

Саре хочется настоять на своем, сказать, что Софи ошиблась, что, наверное, встретила кого-то другого. Эйден много лет не приезжал в Англию. С чего бы Джим встречался с ним в Лондоне и ни

слова не сказал ей об этом? В этом не было ни малейшего смысла.

— Сара? С тобой все в порядке?

— Да, — говорит Сара. Чувствует она себя как-то странно, вся горит. Поставив чашку на столик, ощущает, как дрожат ее пальцы.

— Сегодня утром я заехала поболтать с ним, — заявляет Софи, — пока ты была у стоматолога.

— Что?

— Рассказала, что узнала его. И он не стал отпираться. Говорит, они с Джимом встречались пару раз в год, иногда и чаще.

— Но почему? Ничего не понимаю. Почему Джим не рассказывал мне обо всем этом?

— Я и это спросила. Ответил, что не знает, но явно лжет.

— Это какая-то нелепость.

— Знаю, я именно так и подумала. Правда, есть также хорошие новости.

— И какие же? — спрашивает Сара, размышляя, чего еще ей ждать.

— Вероятно, он что-то скрывает, и я думаю, тебе нужно быть с ним поосторожнее, но на самом деле я решила, что скорее он мне нравится. — И она начинает хихикать в стиле старой доброй Софи, которую Сара знает и любит.

— Ага, значит, ты не думаешь, что он

психопат? Чудесно.

— Я так никогда и не думала. Просто никак не решу, что он из себя представляет, вот и все. Однако теперь, когда выдалась возможность хорошенько пообщаться с ним, думаю, он вполне ничего. А знаешь, что еще?

— Ну давай, выкладывай, — требует Сара.

— Ты ему нравишься.

— Ну, надеюсь, что так, — говорит она, — учитывая, что я предоставила ему крышу над головой.

— Нет, я в другом смысле. Ты ему реально нравишься.

— С чего это ты решила?

— Я его спросила.

— О боже! Софи, как ты могла?! Пожалуйста, скажи, что этого не было. — Сара кладет голову на руки и шумно вздыхает. Это хуже, чем школьные подколы. — Как неловко. Он решит, что я попросила тебя что-нибудь выведать. После того вечера...

Она замолкает, но Софи уже поймала ее за язык.

— А что произошло в тот вечер?

Сара делает глубокий вдох.

— Когда мы вернулись из паба... я пригласила его к себе. Я немного перепила.

— Ты определенно перепила. Так что

случилось?

Сара даже произнести это не может.

У Софи округляются глаза.

— Ах ты, маленькая шлюшка!

— Пожалуйста, только не надо. Я совершила огромную ошибку.

— Это еще почему?

— Потому что он ушел, пока я спала, и с тех пор не показывается. Думаю, он меня избегает.

Софи закусывает губу.

— Может, у него просто куча дел.

— Не сочиняй для него оправдания. Я же тебе рассказывала, каким он был, когда мы учились в универе. Тогда он поступил точно так же: сначала переспал со мной, а потом исчез. Но в тот раз все обошлось, потому что Джим позволил мне поплакаться ему в жилетку, после чего мы с ним и сошлись. Но теперь...

— Джима нет. И ты заслуживаешь большего.

Сара, выдохнув, допивает остатки чая, несмотря на то что на поверхности плавает темная пленка. Однако Сара испытывает потребность чем-то занять себя, что-то выпить, нужно сменить тему.

— Чувствую, для этого я уже старовата. О, только что вспомнила — я видела Уилла. То есть, я хотела сказать... прямо перед нашей встречей... Он говорит, ты устроила его присматривать за

каким-то домом, так?

Софи молчит в ответ, поэтому Сара поднимает глаза. Щеки ее подружки зарделись под слоем макияжа, глаза горят.

— В чем дело? — тут же спрашивает Сара.

— О господи. Даже не знаю, с чего начать. Сара, умоляю тебя, ни слова об этом, хорошо?

— Конечно, молчу как рыба, — говорит она. — Ты знаешь, что можешь доверять мне. Так что там у вас?

Софи наклоняется через стол.

— Я поцеловала его в засос.

— Что?

— В пабе. После того как ты уехала.

— Да ты что?!

— Я пошла в туалет, и, когда выходила, он стоял и поджидал меня, а потом взял за руку и мы вышли на улицу через черный ход.

— Мать честная!

— ...и пошли туда, где стоят мусорные баки... Я была немного навеселе и думала, куда это мы идем, а потом он просто... ну... взял и поцеловал меня.

— Но там же был Джордж! То есть в пабе!

— Сама знаю. Однако это оказалось... какой-то фантастикой. Меня уже десятки лет так никто не целовал.

Сара уставилась на Софи, которая смотрит на

нее, прикрыв рот ладонью, будто сожалеет о вырвавшихся словах и хотела бы взять их обратно.

— И сама же только что назвала меня маленькой шлюшкой! Серьезно!

Софи начинает смеяться в ответ, Сара следует ее примеру. И внезапно то обстоятельство, что от Эйдена ничего не слышно, больше не кажется ей страшной трагедией. Если даже Софи, со всей ее осмотрительностью, умудрилась целоваться с мальчишкой, который чуть ли не в два раза ее младше, в каких-то жалких ярдах от живого мужа!

— И что случилось дальше? Ты что-нибудь сказала?

— Открылись двери пожарного хода, и вышли Пол с Эми. Было темно; сомневаюсь, чтобы кто-нибудь нас увидел. Они сели в свою машину и уехали. Но момент был упущен. Мне захотелось вернуться в паб.

— И это все? Один поцелуй?

Пару секунд Софи сохраняет молчание. Между тем Сара-то знает лучшую подругу. Она тут же понимает, что случилось что-то еще, что Софи снова встречалась с Уиллом и теперь уж они не только целовались. Мелькает мысль, что Софи могла быть на свидании с ним и сегодня утром — может быть, когда Сара встретила Уилла, он как раз выходил из машины подруги. Но потом она вспоминает, что с утра Софи была слишком занята

разборками с Эйденом и не могла путаться где-нибудь с Уиллом. Она решает, что чересчур много напридумывала. К тому же речь идет о Софи: Уилл — совершенно не ее поля ягода, не так ли? Она обладает утонченным вкусом. Говоря по правде, Софи вполне могла бы заинтересоваться Эйденом, но вовсе не Уиллом.

— Только посмотри на нас, — бурчит Софи. — Как парочка чертовых подростков.

Сара хочет заметить, что уж она-то, по крайней мере, не замужем, но вовремя прикусывает губу. А потом у Софи вырывается нечто настолько же бестактное:

— Если честно, я за тебя рада. После Джима тебе, наверное, пришлось нелегко. Три года без секса, да? Я бы просто сдохла.

Теперь умолкает Сара. Ей хочется сказать, что прошло не три года. Не совсем три. И что Софи может даже не объяснять, какво целоваться с Уиллом, тем более Саре.

Секс — тоже своего рода сделка. Деловая договоренность между двумя и более людьми, которые отдают и принимают удовольствие, после чего расходятся в разные стороны.

Я не думаю, просто совершаю сделку, когда выпадает возможность, а потом всегда размышляю

о людях, заявляющих, что это хорошо, что между ними возникает связь, и несущих прочую ерунду о встрече душ и о том, как они зажигают друг в друге огонь. Полная чушь. На самом деле это животный акт, предназначенный для того, чтобы предотвратить вымирание рода, и все, кто думает иначе, просто-напросто обманывают себя.

Это всего лишь прилив эндорфинов, который заканчивается так же быстро, как и начался.

Я постоянно встречаю людей, занимающихся сексом, и не вижу ни одного доказательства особой связи между ними.

С другой стороны, то же касается и любого человеческого действия: все мельчайшие бытовые эпизоды, что я вижу сквозь окна ваннх комнат, на автобусных остановках и в супермаркетах; стычки, ухаживания, смех.

Мы все — просто крошечные потерянные тела, плавающие в безбрежном море, сталкивающиеся друг с другом, но так никогда и не способные зацепиться.

Потому что, как только ты за кого-то хватаешься, вы оба начинаете тонуть.

Я-то это знаю. Видел собственными глазами.

Сара

Когда Сара выруливает на подъездную

дорожку, начинает темнеть. Еще рано, однако над головой грозно сгущаются тучи, закрывая солнце и все, что остается от зимнего дня.

Она специально оттягивала возвращение домой — хотела дать себе время подумать. Съездила в Тирск и побродила по супермаркету, потом сделала остановку в центре города с намерением прошвырнуться по благотворительным магазинчикам подержанных вещей, просто чтобы чем-нибудь занять себя, потратить пару часов на самовнушение.

В конце концов, Эйден взрослый человек. Он может вести себя как ему заблагорассудится, это не значит, будто она должна трястись и чувствовать угрызения совести из-за произошедшего.

Как хорошо, думает Сара, теперь она успокоилась и собралась с мыслями, потому что, ставя машину в открытый сарай напротив коттеджа, замечает, что его двери открыты, и — черт, тут уж никуда не денешься — Эйден собственной персоной стоит на пороге.

— Привет, — весело произносит он, как будто ничего не случилось. — Подожди, я тебе помогу.

Прежде чем она успевает ответить, он выхватывает у нее из рук сумки с покупками и несет в дом. Даже эта, казалось бы, попытка помочь, заставляет ее злиться. До того как он приехал, она прекрасно все носила сама.

Конечно, теперь у нее освободилась рука, чтобы открыть дверь, к тому же начинается дождь, и эта услуга очень кстати. Захлопнув багажник, Сара идет за Эйденем. Облаяв и обнюхав мужчину, Бэйзил, виляя хвостом, проходит мимо него, чтобы поприветствовать Сару. Но, почуяв капли дождя, тут же поворачивает назад. «Смелый только в хорошую погоду», — думает Сара.

— Давненько тебя не видела, — говорит Эйдену.

Она выкладывает купленное на кухонный стол, как бы пытаясь помочь, но в то же время не заморачиваясь над тем, где что должно лежать.

— Я работал, — отвечает он, складывая пустые пакеты из-под покупок. — Выдалась парочка насыщенных дней.

— Выпьешь чаю? — спрашивает она, отчасти надеясь, что он откажется.

— С удовольствием, — говорит он. — Хочешь, я сделаю?

— Ну, давай.

Сара продолжает раскладывать покупки, пока он наливает в чайник воды, ставит его на огонь, ищет чашки.

— Я сегодня виделась с Софи, — говорит она.

— Да, — отвечает он. — Она сказала, что едет встретиться с тобой.

Значит, он не собирается увилить. Это уже

что-то.

— Она говорит, видела тебя в Лондоне. Несколько лет назад. Ты вроде бы встречался с Джимом.

— Да.

Сара молчит в ответ. Сумки для покупок убраны. Чтобы чем-нибудь занять руки, она достает жестянку с печеньем из комода и ставит на стол. Кипит чайник, и Сара берется заваривать чай, наливает воду в чашки и размешивает сахар. Все это время Эйден смотрит на нее, не отводя взгляда.

— Джим мне помогал, — произносит он. — Я имею в виду с финансами.

Сара ставит две чашки на стол. Эйден выдвигает стул и садится. Пару мгновений она продолжает стоять, прислонившись к раковине, но потом сдается и присаживается.

— Почему он мне не говорил? — спрашивает она.

— Может, думал, что ты не одобришь этого.

Услышав ответ Эйдена, Сара хмурится.

— С чего бы, черт возьми, я не одобрила?

— Там не было ничего незаконного. Я понятия не имею, почему он не хотел тебе говорить.

— А о каких суммах идет речь?

— Десять тысяч фунтов. — Он запинается, а затем добавляет — Все это уже давно вернулось,

много лет назад.

— Ну что ж, успешная сделка, поздравляю, — говорит Сара и поднимает чашку. Десять тысяч фунтов. От одной мысли ей становится плохо.

— Да, успешная.

— Она все еще в силе?

— Я продолжаю получать с нее процент, чтобы спонсировать новые.

Сара хочет спросить, в чем заключалось это дело, но в тот момент слышит приглушенную вибрацию, и Эйден достает из кармана телефон.

Проверяет номер.

— Мне нужно ответить, — говорит он. — Не возражаешь?

— Конечно нет, — соглашается она.

Встав из-за стола, он идет к входной двери, сам открывает и захлопывает ее за собой, прежде чем ответить. В тишине кухни она едва улавливает его голос на улице. Ничего из того, что он говорит, она не слышит, только интонации, а потом смех. От этого смеха у нее шумит в голове. Деньги, ох уж эти деньги. Интересно, он действительно все вернул? Неужели именно поэтому не решался говорить? Как бы там ни было, сейчас их точно нет. Наверное, Джим инвестировал их в другие сделки или потратил.

Всего через несколько минут Эйден возвращается.

— Извини.

Спокойным тихим голосом она замечает:

— Джим тебе доверял.

— Да, доверял.

— Просто не могу понять, почему он не доверял мне.

Он на мгновение теряется с ответом. Вместо этого допивает чай, как бы продумывая следующий шаг.

— Не суди его строго, Сара. Полагаю, он просто не хотел, чтобы мы встречались. По-моему, он считал, что я могу тебя увести.

Услышав это, Сара фыркает:

— Думаешь? Как будто я не способна сама принимать подобные решения.

От одной мысли ее разбирает злость, и она возвращается к тому моменту, когда в просветлении после похмелья в четверг поняла, что Эйден, о котором она все эти годы мечтала, остался тем же парнем, что уже однажды обвел ее вокруг пальца.

— Прости меня, — говорит он. — Я совершенно не это имел в виду.

— Да нет, все в порядке, — отвечает она.

— Ты злишься, — говорит он. — И так не должно быть.

И тут уже она не может сдержаться:

— Да, я злюсь. Я злюсь, потому что Джим мне

не доверял, а ты, даже несмотря на нашу многолетнюю дружбу — ведь мы были хорошими друзьями и не только, — ты не подумал, что мне бы хотелось знать об этом. И еще меня задевает то, что ты так и не рассказал бы мне, даже сейчас, если бы Софи не узнала тебя.

Он бросает такой взгляд, как будто собирается ее прервать и что-то возразить, но она не дает ему подобной возможности.

— Более того, в среду вечером мы снова были близки, и ты ушел, пока я спала, и даже не прислал мне сообщения, хотя бы привет после этого сказал. Это уже настоящее хамство, как по мне. Допустим, ты обо всем пожалел, да мне наплевать, но мы все равно как-никак друзья и ничего бы с тобой не случилось, если бы ты сказал мне это в глаза, вместо того чтобы заставлять чувствовать себя какой-то потаскушкой, которую ты подцепил в ночном клубе.

Наконец у Сары заканчивается воздух в легких, а вместе с ним энергия и злость. Она больше не может смотреть на него. Спустя мгновение он накрывает ее ладонь своей, теплой и твердой.

— Ты права, — говорит он достаточно спокойно, — я поступил очень грубо, когда ушел и вот так тебя оставил. Но ты ошибаешься, если думаешь, что я сожалею о случившемся.

— Ох, — срывается с ее губ.

— У меня такое чувство, как будто я ждал этого полжизни.

И теперь Сара наконец может поднять на него взгляд. Обычно Эйден сдержанный и спокойный, но сейчас в его глазах мелькает что-то, чего она еще никогда не видела. Он кажется... грустным. А потом это что-то так же мгновенно исчезает.

Сара смотрит, как он идет через двор к коттеджу и заходит внутрь. Тесс тонко поскуливает у ее ног.

— Все в порядке, девочка, я все знаю.

Она кормит собак и за тридцать секунд, пока они поглощают содержимое своих мисок, натягивает сапоги и плащ-дождевик. Предоставленные самим себе бо`льшую часть дня, собаки ждут не дождутся прогулки, вертясь у нее между сапогами и чуть не сбивая с ног.

Перед ней возвышается холм во всей своей мрачности, темные облака скребутся о вершину, вызывая головокружение при одном взгляде на нее. Сегодня Сару туда не тянет. Чересчур высоко, ужасно ветренно; она чувствует себя слишком хрупкой. Сара свистом подзывает собак и выпускает их из ворот на вьющуюся по склону тропу. Радуюсь внезапному изменению заведенного порядка, они с лаем пролетают мимо и вперед.

Она редко ходит этой дорогой. Примерно

через полмили тропа пересекает ручей; летом здесь все хорошо, но зимой он частенько превращается в бурный поток, который затапливает тропу. Выше дорога приводит к череде полей, на которых пасется разнообразный домашний скот. Это значит, собак придется взять на поводок, что она редко практикует в последнее время. Но, может быть, она не поведет их так далеко.

Сара в который раз спрашивает себя, стоило ли приглашать Эйдена здесь жить. Такая глупость, мимолетная прихоть. Подобное решение было бы объяснимо в случае двадцатилетней девушки, которая руководствуется сердцем, ожидая от людей только лучшего и пользуясь привилегиями молодости. Возвращение Эйдена снова заставило ее чувствовать себя такой, разрываемой безграничными возможностями и чудесным «авдруг», потому что ничего плохого не может произойти, а если даже случится, то, что ж, она как-нибудь с этим справится, не правда ли?

Но теперь, когда ледяной ветер щиплет за щеки, грязь под сапогами мешает идти, заставляя поскользнуться и удерживать равновесие на ходу: нет, ей больше не двадцать. У нее есть дом и долги, и, хотя за детей волноваться уже не надо, не так-то легко оставить привычку вечно переживать.

Эйден приоткрыл покров с той Сары, «которая когда-то была». В те времена в

университете она прошла сквозь череду недоотношений с друзьями, становившимися чем-то бо`льшим, друзьями, избранными по причине немногочисленных общих увлечений, — однокурсники Кэт, Джози из художественного кружка, Леан и Дейви. Они вместе пили в «Старе» по четвергам; и все это казалось неважным, потому что все знали, как оно бывает; все делали то же самое. Она никогда не давала себе достаточно времени для формирования хоть какой-то настоящей привязанности, и одновременно в этом присутствовала некая странная разновидность пустоты, создававшей ощущение разъединенности, побочного эффекта молодости. Однако пустота усугублялась, как рана, вырастала в чувство отвращения к самой себе, а потом в страх, тупую панику при мысли, что вся ее жизнь будет определяться серией неудач и фальстартов, и с чем бы она ни столкнулась, ей придется разгребать последствия самой.

А затем появился Джим, и внезапно все встало на свои места. В то время она его даже не любила. Он сказал ей, что обещает всегда приходить на помощь, и такое постоянство покорило ее. Одна лишь мысль о том, что, как бы ни повернулась жизнь, у нее всегда будет Джим.

Но его больше нет, и все, что от него осталось, — это дом, долги и бывший лучший друг.

Как только солнце опускается за хребет, она поворачивает назад, но даже теперь приходится возвращаться через поле почти в кромешной темноте. Она жалеет, что не оставила включенным свет.

— Тесс, — зовет Сара. Собаки нигде не видно. — Тесс!

Бэйзил сидит в дверях, вывалив язык. Нечасто Тесс выпадает быть виновницей криков, и, похоже, он испытывает наслаждение в этот момент.

Когда Сара собирается возвращаться наверх на поиски собаки, она замечает отблеск светлой шерсти и летящую к ней с холма Тесс. Хвост поджат между задних лап. Сара проверяет, нет ли у Тесс ушибов; может, собака где-то застряла. Она проводит ладонью по ее спине. Тесс дрожит.

— Ну что с тобой, девочка? Где ты пропадала?

Тесс еле слышно поскуливает в ответ.

Сара поднимает взгляд на грядку, которая грозно очерчивается на фоне более прозрачной черноты вечернего неба.

— А ну, идите сюда, вдвоем. Внутрь.

Ей бы следовало пойти и проверить, но что-то в этой темноте, в том, как скулила Тесс и как ее пробирала дрожь, побуждает Сару зайти в дом и надежно закрыть за собой дверь.

Стоит Саре вернуться в кухню, как она

слышит за окном какой-то звук. Собаки тоже; они вместе бегут к двери и лают. Бэйзил молотит хвостом.

Она открывает дверь, ожидая увидеть Эйдена, но там никого не оказывается. Несмотря на это, Бэйзил и Тесс, вместе вылетев во двор, исчезают в сумерках.

Включается запасная лампочка, прикрепленная к стене мастерской. Сара думает, что там может быть лиса, хотя они редко так близко подходят к деревне.

— Эй? — кричит Сара. Просто чтобы проверить.

Потом слышит голос, а из тени рядом с домом выходит мужчина, и обе собаки вьются вокруг него. Тесс, оставив его, возвращается к Саре, забегает в дом.

Это Уилл.

— Привет, — весело отзывается он.

— Привет, Уилл, — говорит Сара. — Что ты здесь делаешь?

— Ну, — отвечает он наконец, отталкивая Бэйзила и подходя к двери. — Я мог бы сказать, что проходил мимо, но это прозвучало бы... ну, знаешь... как отчасти вранье.

— Заходи, — говорит она, ведь не может же оставить его стоять за дверью. Или может?

На нем только легкая толстовка, а гитара

болтается на ремне за спиной вместе с рюкзаком. Он снимает чехол с инструментом, потом сумку, и Сара догадывается о тяжести его вещей по тому, как напрягается рука парня, когда он аккуратно кладет все на пол. Бэйзил с надеждой обнюхивает поклажу и виляет хвостом.

— Там для тебя ничего нет, дружок, — говорит Уилл и гладит пса по макушке. — Прости, старик.

— Выпьешь чего-нибудь? — спрашивает Сара. — Может, чаю?

— Было бы замечательно, спасибо. Если ты сама собиралась.

Он выдвигает стул и садится за обеденный стол.

— Я думала, ты присматриваешь за чьим-то домом, разве нет? — удивляется она, ведь по сумке понятно без слов, что не присматривает.

— А, — говорит он, — перепутал числа. Такая незадача... Оказывается, договаривались о следующих выходных, а не об этих.

— И они не смогут приютить тебя до тех пор?

Он строит гримасу в ответ.

— Видимо, не смогут.

Она ставит перед ним на стол чашку, которую он тут же сжимает в руках. Саре заранее известно, к чему все идет, она испытывает желание избавиться от него, найти какой-нибудь предлог для отказа, но

в то же время уже начинает жалеть парня. Господи, в конце концов, он не намного старше Луиса. Она же не может оставить его на улице. Или может?

— И что, тебе некуда идти?

Он робко опускает взгляд в чашку. И молчит.

— Уилл, — произносит Сара, — посмотри на меня.

Он качает головой, не поднимая глаз.

А спустя мгновение закрывает лицо руками.

— Ну что ты? — говорит она. — Все в порядке.

Сара ободряюще кладет ему руку на плечо и ждет, пока он овладеет собой. Проходит несколько минут, прежде чем ему это удастся. Он по-прежнему молчит, не поднимая глаз, но плечи продолжают дрожать. Даже сквозь толстовку чувствуется холод его кожи.

Наконец он грубо вытирает глаза собственным рукавом, делает вдох и выдавливает показную улыбку.

— Извини, — говорит он. — Прости за все это.

— Ничего, — опять повторяет она.

— Ну да, — весело подхватывает он. — Так вот, я подумал, может быть, обнаглеть и попроситься к тебе на диван на пару ночей?

Он не смотрит на нее, когда задает вопрос, словно уже заранее знает, что она ответит «нет».

— Мне больше некого просить, — говорит он, — и понимаю, что это большая услуга, но ведь у тебя есть отдельный коттедж, и я подумал, а вдруг тебе кто-нибудь нужен... Ну, знаешь, за ним присмотреть.

Она пытается что-то ответить, но он еще не закончил.

— Я неплохо умею чинить вещи, могу и красить, и декорировать; могу электричество провести. Что там тебе нужно?

— Я знаю, что ты умеешь работать по дому, — говорит Сара. — Ты мне помогал делать водосток, когда гостил в прошлый раз, помнишь?

— Ага, помогал, — говорит он с оттенком гордости, как будто совсем забыл об этом.

— Но дело в том, Уилл, что сейчас у меня в коттедже живет друг. Вы с ним встречались в прошлые выходные в «Ройал Оук». Так что коттедж теперь занят. Мне очень жаль.

— А, ну да, понимаю, — говорит Уилл, но выглядит так, будто еще не понял. Секунду спустя он отпивает немного чаю и встает. — Тогда я пошел. Не хочу тебя беспокоить, Сара. Сама знаешь, ты всегда была ко мне очень добра.

— Подожди! — говорит Сара. — Не нужно так спешить.

Ей не слишком-то хочется оставаться в доме наедине с ним, но она не может себе представить,

как отправит его обратно в темноту, зная, что ему некуда идти. И если подумать, она не одна, ведь так? Эйден рядом. Он всего в нескольких ярдах.

— Я могу переночевать в мастерской, — предлагает Уилл. — Я не против. Обещаю, что не буду ничего трогать.

— Не дури, — отвечает она. — Там не очень тепло.

— А у меня есть с собой спальный мешок, — заявляет он. — Seriously, не переживай. Все лучше, чем автобусный терминал.

Он говорит так, будто уже испытал это на собственной шкуре. От одной мысли об этом Саре хочется плакать.

— Смотри, — говорит она, — сегодня можешь переночевать в пустой комнате...

Он обрадованно поднимает взгляд, его ярко-голубые глаза блестят:

— Seriously? Ты не шутишь? Спасибо, спасибо тебе большое...

— Но завтра нам придется подыскать тебе место получше, хорошо?

— Без проблем, — говорит он, хотя взгляд его снова омрачает сомнение.

— Об этом мы подумаем завтра. Ты голоден?

Голоден, конечно, голоден. И ванна ему тоже нужна. Пока греется духовка, Сара, поднявшись наверх, кладет чистые простыни на кровать в

пустой комнате, той, что расположена в другом конце дома. Зайдя в помещение, включает батарею. Обычно она устанавливает обогрев на самый минимум. Какой смысл держать весь дом в жаре, если она живет сама.

Когда Сара спускается, Уилл уже спит, подложив руку под голову. Дышит он глубоко. Она его не будит, но ставит размороженную курицу в духовку и готовит овощи. Его сон не нарушает даже стук ножа и бульканье кипящей в кастрюле воды. Пока овощи готовятся, Сара уходит в гостиную, включает телевизор. Новости уже закончились, и прогноз погоды предупреждает, что сегодня ночью ожидается сильный дождь. Существует риск наводнений в отдельных местах. «Только не у нас наверху, — думает она, — слава богу».

Когда таймер духовки звенит, сообщая о том, что ужин готов, она возвращается на кухню. Уилл уже проснулся и сидит на своем стуле.

— Пахнет просто чудесно, — говорит он.

Она хочет возразить, ответить, что это обычная курица и любая еда чудесно пахнет, когда ты голоден так, как, по всей видимости, голоден он, однако вместо этого просто улыбается и без возражений принимает комплимент. Она накладывает в тарелку еды и ставит ее перед ним. Потом, набрав порцию для себя, садится есть

рядом. Приятно быть в компании. Хотя ощущается небольшая неловкость из-за того, что они лишь вдвоем, особенно после случая с Софи. Сара задается вопросом, стоит ли об этом вообще говорить, но принимает решение: он слишком устал и чересчур эмоционально неустойчив, чтобы сейчас касаться данной темы. С этим можно подождать, решает она. В конце концов, Софи необязательно знать, что он здесь оставался. Он, скорее всего, уйдет утром или уж точно после выходных.

— Просто чудесно, — говорит Уилл, уже почти расправившись с едой.

— Хочешь добавки? Там еще осталось. Бери сколько нужно.

Поднявшись со стула, он с тарелкой подходит к плите и выскребает из кастрюли остатки еды. Когда ест, старается смаковать последние несколько ложек. Сара наблюдает за тем, как он поглощает угощение, и, поймав на себе ее взгляд, Уилл улыбается в ответ. Он действительно красив, думает она; эта мысль застает ее врасплох. Чистая кожа под спутанными короткими кудрями подчеркивает и без того яркую синеву его глаз. Пирсинг в носу, хотя не так-то часто встречается среди молодых мужчин, тем не менее не делает его женственным, серебряный гвоздик идет к его правильно очерченному носу и белым ровным зубам. Красивый мальчик, вот уж точно.

Неудивительно, что он привлек Софи, думает она. Ничего странного и в том, что он привлекает также ее саму. Но сейчас она не станет размышлять об этом. Она вынуждает себя оставить подобные мысли.

Сара не уверена, что он вообще помнит.

Она стоит у двери ванной с охапкой грязной одежды, пока Уилл с блаженным вздохом окунается в теплую воду.

— Я сложила чистую одежду там, на комод, — говорит она. — Просто пара вещей Луиса. По размеру они могут не подойти, но, ты же знаешь, это все равно лучше, чем ничего.

— Супер, спасибо, — отвечает он. Глаза его закрыты.

Она поворачивается и уходит, захлопнув за собой дверь. Мда, вышло неловко. Сара поднесла одежду к двери ванной, предложила ему отдать ей грязные вещи и передала чистые. Дверь была открыта нараспашку, и он как раз только что разделся, просто и сразу, она не успела и слова вымолвить.

Как бы там ни было, она пыталась смотреть в другую сторону, когда он с улыбкой передавал ей грудку тряпья.

Спустившись, она складывает одежду Уилла в стиральную машину с остальными вещами, которые тот выудил из своего рюкзака, добавляет

порошок и нажимает кнопку пуска. Сполоснув тарелки и загрузив их в посудомоечную машину, садится на стул.

Ей нужно проветрить голову, подумать.

Через несколько минут Уилл спускается по лестнице и в одних носках шлепает в гостиную. Он намного выше ее сына, поэтому спортивные штаны чуть коротковаты, но и так сойдет. Волосы еще мокрые, однако он, умиротворенный, все равно выглядит гораздо лучше.

— Хотел предложить сделать тебя чашечку чаю, — говорит он.

— Очень мило с твоей стороны. Но я пока что пас. Хочешь, сделай себе.

Он идет на кухню и возвращается с чашкой чаю и сахаром, садится на диван, скрестив ноги, и ставит гитару на колено.

Накатывают кислые как уксус воспоминания о том, что было. Ей кажется, он ничего не помнит; не может помнить, и точка, потому что, если помнит, это было бы просто невыносимо... Затем он начинает напевать «Killing me softly», и она понимает: он не забыл.

Эйден

В пять минут одиннадцатого раздается стук в дверь; на пороге стоит Сара, ветер развеивает ее

волосы и полы кардигана, в который она кутается.

— Прости, что так поздно, — говорит она.

— Не беспокойся. У тебя все в порядке?
Кто-то пришел в гости?

Ты видел, как он проходит через двор, точнее говоря, как он околачивается в сарае, будто пытаюсь набраться смелости и постучать в дверь. Ты какое-то время наблюдал за ним, узнав в незнакомце молодого человека, что разговаривал с Софи в баре. Наконец он обошел двор по-над стеной мастерской, и постучал в парадные двери дома.

— Это всего лишь Уилл. Так вышло, что он оказался на улице. Насколько я понимаю, он должен был присматривать за домом каких-то людей в деревне, но в эти выходные они не уехали. Ему было больше некуда идти.

Ты наливаешь ей бокал вина, не спрашивая, хочет ли она пить, — для чая, вероятно, слишком поздно, — и она берет бокал. Проходит за тобой в гостиную и садится рядом.

— Если ты переживаешь из-за того, что осталась с ним в доме одна, отправь его сюда; он всегда может переночевать на диване.

— Да нет, все в порядке, — говорит она. — Думаю, последние несколько дней он плохо спал. И пришел ко мне только из-за дождя. У него вся одежда промокла.